

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ПУШКИН

И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

Избранные труды
(1898—1928)

Санкт-Петербург
«Искусство—СПБ»

Работы П. В. Анненкова о Пушкине

Пушкиноведение — наука еще новая: ей всего около семидесяти лет, если считать от первых наших пушкинистов — Бартенева, Анненкова и Грота. За эти семьдесят лет она дала обильную литературу; но обилие это скорее количественного, чем качественного значения, — ибо тогда как работы о Пушкине исчисляются не сотнями, а тысячами, мы до сих пор не имеем ни одной монографически полной, научно написанной биографии поэта, которая удовлетворяла бы всем требованиям, какие к такой биографии могут быть теперь предъявлены. Причин этого прискорбного явления много, — и одна из них, едва ли не главнейшая, то обстоятельство, что к работам над Пушкиным — были ли то вопросы текста, или истории творчества, или вопросы биографии поэта — подходили без выработанных методологических приемов, принимались за дело с легким сердцем, брались за него, как за дело простое, обычное, чуть ли не всем доступное. Этими чертами не которого легкомыслия грешили многие, даже очень известные пушкинисты, имен которых не называем, так как за каждым из них, кроме грехов, имеются и заслуги, за которые мы должны быть им благодарны, если вспомним, какую работу они в общем проделали. Лишь в последние пятнадцать — двадцать лет изучение Пушкина становится на должную высоту, становится наукой. Пушкиноведение из области просвещенного любительства или более или менее случайного занятия переходит на степень пристального исследовательского труда, начав с проверки того, что в области изучения текстов и биографии Пушкина сделано было в предыдущие десятилетия. Такой цели призван служить и служит вот уже двадцать пять лет основанный в 1902 г. академический сборник «Пушкин и его современники», из недр которого вышла целая плеяда пушкинистов-исследователей, в работах своих вновь поставивших и окончательно разрешивших ряд общих и частных вопросов пушкиноведения, запутанных подчас, казалось, до полной нераз-

решимости. Задачам пересмотра, ревизии того, что сделано было по вопросам пушкиноведения, посвящены многие капитальные работы П. Е. Щеголева, покойного М. О. Гершензона, Н. О. Лернера, М. Л. Гофмана, Б. В. Томашевского, Ю. Г. Оксмана и, наконец, М. А. Цявловского, который недавно издал в своей, как всегда, ювелирно-тонкой и изящной обработке записанные много лет тому назад П. И. Бартевым рассказы о Пушкине нескольких современников, друзей и знакомых поэта*. Хотя П. И. Бартев (1829—1912), основатель «Русского архива», не пользуется теперь как пушкинист такую известностью, как Анненков, Грот, Ефремов, Майков и другие, — его заслуги в области пушкиноведения весьма значительны: его, собственно говоря, следует считать главою *научного* пушкиноведения, основателем «науки о Пушкине». Человек с большим научным и литературным образованием, с обширнейшими историческими и историко-литературными познаниями, с редкой склонностью к русской словесности и с благоговейной любовью к Пушкину, — он был первым русским ученым, который спустя лишь десяток лет после смерти поэта начал собирать материалы о нем и о его литературном наследии. Метод собирания этих материалов был прост, но верен: Бартев расспрашивал лиц, близких к Пушкину, и затем немедленно заносил вызнанное от них на бумагу, а иногда давал еще свою запись рассказчику и на проверку.

Из таких записей составлялся ценнейший биографический и историко-литературный материал, предназначавшийся Бартевым для дальнейшей обработки в форме связной, подробной биографии Пушкина. Как известно, Бартев успел обработать лишь начальные главы жизнеописания своего любимого писателя, и затем, уступив место Анненкову, приобретшему право на издание сочинений Пушкина, он исключительно отдался «составлению» и изданию своего детища — «Русского архива» и к Пушкину возвращался уже редко, и то лишь по отдельным поводам, а собирание материалов совсем прекратил; но тетрадь с его ранними записями, по счастливой случайности, сохранилась в руках известного московского любителя книги Л. Э. Бухгейма и недавно — в 1925 г. — издана просвещенною фирмою М. В. Сабашникова на радость и на пользу всех, кто любит и изучает Пушкина.

Свои работы по собиранию материалов для *биографии* Пушкина Бартев начал около 1850 г. и вел их в 1852—1853 гг.¹ Тогда же и

¹ О работах Бартева по Пушкину см в названном издании «Рассказов» С. 7—10

с теми же приемами приступили к работам по изучению Пушкина и Павел Васильевич Анненков, которого судьба вовлекла в это дело довольно неожиданно для него¹; одновременно с работой над текстами он стал собирать материалы и для биографии поэта², литературный и человеческий облик которого постепенно завлек этого деятельного исследователя, а затем и окончательно покорила его своим обаянием.

До настоящего времени мы знали мало подробностей о путях, которыми шел Анненков к достижению поставленной себе грандиозной задачи — издания первого *научного* собрания сочинений Пушкина и такой же его биографии. Из работ Л. Н. Майкова, Д. Сапожникова и И. А. Шляпкина, в руки которых попали и которыми были использованы некоторые остатки от «пиршеств» Анненкова, мы могли лишь догадываться о том, чем обладал последний и как он работал. И если приемы издания текстов Пушкина и способы обращения его с подлинными рукописями поэта вызвали справедливую критику позднейших исследователей³, а подчас и негодование на кощунственное с нашей точки зрения отношение к драгоценным автографам, бывшим в его бесконтрольном распоряжении, — то знаменитые «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина», составляющие I том «Сочинений Пушкина» под редакцией Анненкова и вышедшие одновременно со II томом этого издания⁴, — до сих пор остаются не опороченными и служат исходным пунктом при исследовании многих биографических и иных вопросов пушкиноведения⁵. Если мы припомним то плачевное состояние, в котором находилась пушкинская историография ко времени появле-

¹ См. ниже, в переписке И. В. Анненкова с П. В. Анненковым.

² См. письмо Погодина к Плетневу от 17 декабря 1851 г. (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 757). Из письма М. Н. Каткова к Анненкову от 3 ноября 1854 г. видно, что между Бартевым и Анненковым было своего рода соперничество в работе (П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892. Т. 1. С. 491—492).

³ См.: Русская старина. 1884. № 2. С. 416; Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. 1. С. 602—604.

⁴ Цензурная помета этого 1-го тома (как и 2-го) — 22 октября 1854 г. (помета под предисловием 2-го тома — 1 сентября 1853 г.); том 7 (дополнительный) вышел в 1857 г.

⁵ «Что совершенно устарело и что сохраняет свою ценность в пушкинских работах Анненкова?» — одна из частных тем предлагаемой «пушкинской студией» Н. К. Пиксанова общей темы: «П. В. Анненков как пушкинист» (Пушкинская студия. Пг., 1922. С. 83).

ния в свет «Материалов» Анненкова, наличие большого числа поклонников поэта и лиц, хорошо помнивших его еще в жизни, а также огромное количество новых, совершенно свежих и чрезвычайно интересных, собранных Анненковым, материалов, которые заключала в себе эта первая биография Пушкина, — нам станет понятным тот хор приветствий, какими встречен был замечательный труд Анненкова¹. Еще до выхода его в свет Плетнев уведомлял (6 января 1855 г.) кн. П. А. Вяземского, бывшего за границей: «...про биографию Пушкина, составленную Аннепковым, вы, конечно, уже слышали. Она содержит в себе столько подробностей, что из нее одной выйдет том»². Когда же издание было совсем уже закончено, в ноябре 1857 г., выпуском VII тома, Лонгинов восклицал: «Весело библиографу и любителю литературы говорить о появлении подобных книг! Как не радоваться, что первый из наших поэтов издан полно, отчетливо, с полным знанием дела, с благоговейным уважением к его любезной для всякого из нас памяти?»³. Он находил, что изданием своим Анненков оказал «не одну литературную, но и важную общественную услугу»⁴; так же писал впоследствии и С. А. Венгеров в статье своей об Анненкове, говоря об издании сочинений Пушкина 1855 г.: «Это был настоящий подвиг со стороны Анненкова — подвиг не только литературный, но и общественный. Нужно прочесть статью Анненкова „Любопытная тяжба“⁵, чтобы увидеть, сколько энергии и ловкости пришлось употребить издателю, чтобы отстоять неприкосновенность Пушкинского текста»⁶.

Итак, до последнего времени значение работы Анненкова не поколеблено, — его труд с благодарностью вспоминается и используется всеми, кто обращается к работам над Пушкиным.

¹ А. Я. Головачева-Панаева ошибается, говоря, что «по общему мнению» издание Анненкова вышло плохое (*Панаева А. Я.* Воспоминания. СПб., 1890. С. 249).

² *Плетнев П. А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 418; там же, на с. 409, — вопрос Вяземского Плетневу в письме от 19 ноября 1852 г.: «Что слышно о новом издании Пушкина?»

³ *Лонгинов М. Н.* Соч. М., 1915. Т. 1. С. 289.

⁴ Там же. С. 290. О материалах по сочинениям Пушкина, собиравшихся Лонгиновым в виде дополнений к изданию Анненкова в 1855—1856 гг., при помощи обращений к друзьям и знакомым Пушкина, см. там же, с. 574—576.

⁵ См.: *Вестник Европы.* 1881. Кн. 1; перепечатана в книге «П. В. Анненков и его друзья» (т. 1).

⁶ *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь... Т. 1. С. 598.

Познакомимся теперь с некоторыми данными по истории издания Анненкова и его трудов, связанных с этим изданием, пользуясь для этого печатными и рукописными материалами, хранящимся в Пушкинском Доме.

Из публикуемой ниже переписки Ивана и Федора Васильевичей Анненковых с их младшим братом Павлом Васильевичем видно, что главным побудительным основанием к работам последнего послужило желание вдовы Пушкина — Натальи Николаевны Ланской и ее мужа — генерала Петра Петровича Ланского (одного из членов опеки над детьми и имуществом Пушкина) осуществить новое издание сочинений Пушкина. Желание диктовалось как спросом на произведения поэта, так и соображениями о выгодах детей Пушкина, наследников его литературных прав. К концу 1840-х гг. так называемое посмертное издание сочинений Пушкина, выпущенное опекою в 1838—1841 гг., окончательно было распродано и было находимо лишь у букинистов, и притом по высокой цене¹. Из писем Н. Н. Ланской к мужу в 1849 г. мы узнаем, что вопрос о приискании издателя на сочинения Пушкина очень занимал ее в то время.

Так, 20 июля 1849 г. Н. Н. Ланская писала мужу из Петербурга (по-французски): «Я была у Исакова, которому я очень хочу предложить купить издание Пушкина, не имея до сих пор никакого ответа от других книгопродавцев. Не найдя хозяина в лавке, я получила обещание, что его пришлют ко мне в воскресенье»². В одном из следующих писем, от 2 октября 1849 г., она писала (по-французски): «Был у меня Попов³, который пришел сказать, что книгопродавцы не дают более — Глазунов 14 000 асс. и Лоскутов 10 000. Он не советует мне уступить издание по столь низкой цене. По его мнению, было бы лучше всего напечатать издание самим и войти в соглашение с типографией Дубельта или каким-либо учреждением подобного рода, принадлежащим правительству, с тем чтобы они исполнили на свой счет и удержали бы плату впоследствии, — деньгами, которые будут выручены».

¹ Современник. 1854. Т. 48. Отд. V. С. 119.

² Пушкинский Дом, архив А. П. Араповой, рожд. Ланской, неизданные письма Н. Н. Ланской к мужу за 1849 г.

³ Это, вероятно, Михаил Максимович Попов, известный чиновник III Отделения, с которым Пушкину не раз приходилось иметь дело при сношениях с Бенкендорфом, фон Фоком и Дубельтом, автор статьи о Пушкине, опубликованной впоследствии в «Русской старине»**.

Однако или предложения книгопродавцев были признаны Н. Н. Ланской и Опекой слишком невыгодными, или книгопродавцы, в конце концов, не рискнули завершить свои более чем скромные предложения заключением формального договора, — но Ланские решили последовать совету Попова — самим выступить в роли издателей. В это время П. П. Ланской, генерал-майор и генерал-адъютант, был командиром лейб-гвардии Конного полка, а третьим полковником в полку был Иван Васильевич Анненков. Человек просвещенный, он тогда только что выпустил в свет четырехтомную «Историю лейб-гвардии Конного полка от 1731 по 1848 год», которая доставила ему громкую известность в военных кружках¹; с 7 ноября 1846 г. он был флигель-адъютантом Николая I. Близкий к Ланским, он пользовался их доверием, был своим человеком в их доме, был им предан и оказывал разные услуги в ведении имущественных дел. По словам близкого к нему И. Г. Данилова, И. В. Анненков «отличался глубокою религиозностью и редкою душевною добротою, которая неволью привлекала к себе его сослуживцев и тех немногих близких к нему лиц, в кругу которых он проводил часы своего досуга»². Помимо упомянутой выше «Истории лейб-гвардии Конного полка» Анненкову принадлежат воспоминания о Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в которую он поступил в 1831 г., восемнадцатилетним молодым человеком. Воспоминания эти напечатаны лишь в 1917 г. в № 3 журнала «Наша старина»; к сожалению незаконченные, они отличаются большим богатством содержания, прекрасно рисуют внутренний быт и порядки этого своеобразного военно-учебного заведения и написаны с несомненным литературным талантом: очевидно, любовь к литературным занятиям была присуща И. В. Анненкову, как и его братьям, так как и третий брат, Федор Васильевич Анненков, также страстно любил Пушкина и усердно помогал братьям в работах над изданием сочинений поэта.

¹ Исторический вестник. 1887. № 8. С. 471.

² Русская старина. 1892. № 1. С. 70. Впоследствии И. В. Анненков назначен был (в 1852 г.) исполняющим должность вице-директора инспекторского департамента военного министерства, 17 апреля 1855 г. произведен в генерал-майоры и назначен Александром II в свиту; с 15 марта 1862 по 17 апреля 1866 г. занимал должность петербургского обер-полицеймейстера, и с 9 июня 1867 г. — петербургского коменданта; назначен генерал-адъютантом и произведен в генералы от кавалерии.

На И. В. Анненкове как возможном издателе Пушкина и остановились Н. Н. и П. П. Ланские. Вспоминая впоследствии о зиме 1849/50 г., которую он проводил в Петербурге по возвращении из-за границы, П. В. Анненков писал:

«В это время Ланская, по первому мужу Пушкина, делами которой, по дружбе к семейству, занимался брат Иван, пришла к мысли издать вновь сочинения Пушкина, имевшие только одно издание 1837 года. Она обратилась ко мне за советом и прислала на дом к нам два сундука его бумаг. При первом взгляде на бумаги я увидел, какие сокровища еще в них таятся, но мысль о принятии на себя труда издания мне тогда и в голову не приходила. Я только сообщил Ланской план, по которому, казалось мне, должно быть принято издание...»¹

План этот, в деталях нам не известный, очевидно, был принят Опекою, так как из прошения ее, с которым она через несколько месяцев, 30 августа 1850 г., обратилась к гр. А. Ф. Орлову, видно, что, испрашивая высочайшее соизволение «на напечатание новым изданием всех сочинений покойного Александра Сергеевича Пушкина в том виде, как они были напечатаны в последнем издании», Опека намеревалась «изменить один только порядок распределения статей» и дополнить новое издание некоторыми стихотворениями, не бывшими еще в печати². Разрешение на испрашиваемое издание было дано, по докладу Орлова, уже 31 августа³, о чем тотчас была уведовлена и Опека, и министр народного просвещения А. С. Норов, как глава цензурного ведомства, долженствовавшего следить за новым предположенным изданием⁴.

Но изданию этому не суждено было осуществиться, так как И. В. Анненков, став, как упомянуто, ближе к делу литературного предприятия Опеки и заинтересовавшись им, по горячей любви своей к творениям Пушкина, сам пожелал познакомиться с оставшимся от поэта рукописным наследием. В пространных и обстоя-

¹ Анненков П. В. Две зимы в провинции и деревне // Былое. 1922. № 18. С. 10.

² Дела III Отделения о Пушкине. СПб., 1906. С. 216. Этих не бывших в печати стихотворений Опека предполагала прибавить лишь три: «На кончину Кутузова», «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...» и «Когда б не смутное волнение...», причем последнее, «как совершенно пустое стихотворение», Николаем I разрешено к печати не было. (Автор первого из стихотворений — Алексей М. Пушкин. — *Ред.*, 1929).

³ Там же. С. 216, 219.

⁴ Там же. С. 220—221.

тельных письмах к брату Павлу Васильевичу от 21 апреля, 12 и 19 мая 1851 г. (см. ниже, с. 496—505) он, вместе со старшим братом Федором Васильевичем¹, сообщал ему о результатах этого ознакомления и созревавшем намерении взять на себя новое издание сочинений Пушкина, причем убеждал Павла Васильевича принять участие в работе по редакции издания, доказывая, что такая работа вполне по его силам и что незачем привлекать к ней постороннего литератора (вроде рекомендованного ему С. С. Дудышкина), которому должно будет за работы заплатить — и немало. Утвердившись в своем намерении, он заключил с Н. Н. Ланскою письменный договор, который и был подписан обеими сторонами перед самым отъездом Натальи Николаевны за границу, состоявшимся 12 мая 1851 г.² Известие о решении братьев поразило П. В. Анненкова «громадностью задачи на достойное исполнение плана...»³. Но осенью того же года, когда И. В. Анненков привез в Москву известие, что «дело издания Пушкина он порешил окончательно с Ланской, заключив с нею и формальное условие по этому поводу», «издание, — говорит Анненков, — разумеется, очутилось на моих руках. Страх и сомнение в удаче обширного предприятия, на которое требовались, кроме нравственных сил, и большие денежные затраты, не покидали меня и в то время, когда уже по разнесшейся вести о нем, я через Гоголя познакомился с Погодиным, а через Погодина с Бартеневым (П. Ив.), Нащокиным и другими лицами, имевшими биографические сведения о поэте. Вместе с тем я принялся за перечитку журналов 1817—1825 годов...»⁴.

До нас сохранилась записка Гоголя к Погодину, относящаяся, по видимому, к сентябрю 1851 г., в которой Гоголь писал Погодину о своем старом знакомце: «Павел Васильевич Анненков, занимающийся изданием сочинений Пушкина и пишущий его биографию, просил

¹ Он в это время был генерал-майором свиты е. в. (с 3 апреля 1849 г.) и состоял в запасных войсках; перед тем был (с 25 июня 1834 г.) флигель-адъютантом, а затем (с 28 мая 1849 г.) вторым помощником московского коменданта; впоследствии, 29 декабря 1854 г., был назначен нижегородским губернатором, но 10 сентября 1856 г. был уволен от должности, а 12 октября и вовсе от службы и умер 7 декабря 1869 г.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1851. 16 мая.; в числе уехавших в Штеттин на пароходе «Прусский орел» значится жена генерал-адъютанта Ланская с дочерьми и сестрой (Александрю Николаевною Гончаровой).

³ Былое. 1922. № 18. С. 12.

⁴ Там же. С. 16

меня свести к тебе за тем, чтобы набрать и от тебя материалов и новых сведений по этой части. Если найдешь возможным удовлетворить, то по мере сил удовлетвори»¹. Сохранились в бумагах Анненкова, по свидетельству Л. Н. Майкова, и следы просмотра Анненковым периодической печати пушкинской эпохи, в виде «целых тетрадей его выписок и извлечений из журналов не только этого, но и более позднего времени» (из «Вестника Европы», «Московского телеграфа», «Московского вестника», «Атеней», «Телескопа» и т. д.). «Очевидно, — пишет Майков, — биограф придавал особое значение старинной журнальной полемике и справедливо искал в ней указаний на то, как постепенно слагалось в русском обществе воззрение на поэтическую деятельность Пушкина».

«Рядом со старыми журналами, — читаем у Майкова, — другим важным источником служило для Анненкова живое предание. В то время, когда он принялся за свой труд, еще жили и здравствовали многие из соучеников Пушкина по Лицею, а также многие другие близкие к нему люди. Анненков обратился к содействию их памяти. В числе лиц, собиравших ему письменные сведения, важнейшие были следующие: младший брат поэта — Лев Сергеевич, их свояк Н. И. Павлищев², П. А. Катенин³, В. И. Даль и некоторые из лицейских товарищей Пушкина, изложившие свои воспоминания в одной общей записке. Все это были биографические свидетельства первостепенной важности, и Анненков воспользовался ими обильно. Впоследствии почти все они появились в печати, и ненапечатанными остались только воспоминания Катенина. К сожалению, рукопись их не находится в той части бумаг Анненкова, которая была нам сообщена»⁴.

Собирал он и устные рассказы современников Пушкина; так, сохранилось указание на участие Анненкова вместе с П. И. Бартевым и другими на вечере у Погодина 7 октября 1851 г., устроенном

¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 11. С. 311.

² Л. Н. Майков утверждает, что Павлищев записал для Анненкова рассказы своей жены, сестры Пушкина, но запись эта никогда не появлялась в печати и даже не уцелела в бумагах Анненкова (см.: Майков Л. Н. Пушкин. СПб., 1899. С. 3)*.

³ Об этих трех записках упоминалось и в объявлениях об издании 1855 г., напечатанных в разных периодических изданиях и в «Месяцеслове на 1855 г.»; ср.: П. В. Анненков и его друзья. Т. 1. С. 384.

⁴ Майков Л. Н. Пушкин. С. 320. Записка Катенина ныне принадлежит П. Е. Щеголеву и готовится им к печати**.

специально для беседы и воспоминаний о Пушкине¹. Запись для Анненкова рассказов С. П. Шевырева, сделанная едва ли не Н. В. Бергом, еще 23 декабря 1850 — 3 января 1851 г., опубликована Л. Н. Майковым в его сборнике «Пушкин»². О рассказах П. В. Нащокина и П. А. Плетнева упоминает сам Анненков в своих «Материалах для биографии»³. По поводу всех этих бесед Анненкова Л. Н. Майков писал: «Много важного, любопытного и характерного имел он случай услышать от П. В. Нащокина, П. А. Плетнева, М. П. Погодина; но уже в самом свойстве их сообщений заключалась известная слабая сторона: изустные рассказы не могли не быть отрывочными и не представляли той определенности и полноты, какой можно ожидать от воспоминаний, изложенных на письме, более тщательно обдуманых и нередко подкрепленных справками в современных документах. По-видимому, впрочем, не все друзья Пушкина, даже опытные в литературных делах, чувствовали себя в силах последовательно высказать все те впечатления, какие сохранили они от близких сношений с великим человеком. Так, П. А. Плетнев, напечатанный о Пушкине небольшую статью в 1838 году* и призывавший других к сообщению сведений о нем, сам не решался впоследствии взяться за перо, чтоб изложить свои собственные воспоминания, как можно было бы ожидать от его дружбы⁴. А между тем рассказы о Пушкине были одною из любимых тем в его беседах, и кто имел случай слышать их, согласится с нами, что чувство, которое питал Плетнев к дорогому покойнику, нельзя назвать иначе, как обожанием. Казалось, все одинаково нравилось Плетневу в личности Пушкина»⁵.

Несомненно, однако, что не все, что слышал, узнавал и знал Анненков, он смог и пожелал огласить: это видно, между прочим, и из приводимых ниже кратких записей Анненкова, который иные из от-

¹ Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым / Под ред. М. А. Цявловского. М., 1925. С. 28, 79—80.

² С. 322; подлинник записки — в Пушкинском Доме, архив Анненкова, № 5752*.

³ См. например, с. 216 и др. Помимо указанных материалов, Анненков изучал также и дела Опекы над детьми и имуществом Пушкина (см.: *Модзалевский Б Л Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина в Музее А. А. Бахрушина // Пушкин и его современники*. СПб., 1910. Вып. 13. С. 91; примеч. 1).

⁴ Также не решался сделать это и С. А. Соболевский, о чем прямо заявлял Лонгинову в 1855 г. (Пушкин и его современники. Л., 1927. Вып. 31—32. С. 38).

⁵ *Майков Л. Н. Пушкин*. С. 321.

меченных им фактов не ввел в свои «Материалы» и вовсе не использовал. Как бы то ни было, с конца 1851 г. Анненков погрузился в работы по Пушкину, — и дело у него пошло быстро и успешно, хотя робость и неуверенность в своих силах не покидали его. Когда, в октябре 1851 г., Анненков, поправившись от болезни, приехал из Москвы в Петербург с братом Федором Васильевичем¹, слух о его предприятии получил уже широкую огласку². 17 декабря 1851 г. Погодин из Москвы писал Плетневу о работе Анненкова и о желательности содействия ему в этой работе³; в то же время (15 января 1852 г.) и Соболевский писал Погодину, обещая свою помощь в работах П. И. Бартеневу: «Анненкова я тоже знаю, но с сим последним мне следует быть осторожнее и скромнее, ибо ведаю, коль неприятно было бы Пушкину, если бы кто сообщил современникам [?] то, что писалось для немногих или что говорилось или не обдуманнись, или для острого словца, или в минуту негодования в кругу хороших приятелей»⁴.

Под 25 февраля 1852 г. читаем в дневнике А. В. Никитенки: «Встретился в зале Дворянского собрания с Анненковым, издателем сочинений Пушкина. Государь позволил печатать их без всякой перемены, кроме новых, какие найдутся в бумагах поэта: последние должны подвергнуться цензуре на общих основаниях. Новых, говорит Анненков, очень много. Разумеется, их трудно будет поместить в предстоящем издании. Анненков за все заплатил вдове Пушкина пять тысяч рублей серебром⁵, с правом напечатать пять тысяч экземпляров. Выгодно!»⁶

¹ Былое. 1922. № 18. С. 17.

² К этому времени, по-видимому, следует отнести рассказ А. Я. Головачевой-Панаевой, которая к Анненкову относится весьма неблагосклонно и старается все дело его издания свести к желанию Анненкова нажить на нем деньги (см.: Панаева А. Я. Воспоминания / Под ред. К. И. Чуковского. Л., 1927. С. 295—301). К рассказу ее следует отнести с полным недоверием.

³ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. С. 757.

⁴ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 11. С. 315.

⁵ Ср. в заметке А. А. Пушкина «По поводу статьи <П. Н. Полевого> „Как были проданы сочинения Пушкина Исакову“» (Исторический вестник. 1887. № 4. С. 240).

⁶ Никитенко А. В. Записки и дневник. СПб., 1905. Т. 1. С. 405. В «Русской старине» (1890. № 3. С. 643), и в изд. Лемке Анненков, названный Никитенкой без инициалов имени и отчества, раскрыт как Павел Васильевич, между тем как Никитенко имеет в виду (по всей вероятности) Ивана Васильевича.

В августе 1852 г. П. В. Анненков, проработав несколько месяцев над бумагами Пушкина, хранившимися у его вдовы и ею переданными в распоряжение редактора¹, уехал, для большей продуктивности работы и чтобы иметь возможность сосредоточиться на ней одной, в свою деревню — село Чирьково, Симбирской губернии².

Некоторые сведения о ходе его работ, о различных частных вопросах, с нею связанных, о сомнениях, колебаниях и затруднениях, встречавшихся ему на пути, мы находим в отчасти еще не изданной переписке Анненкова с Тургеневым, хранящейся, в подлинниках и копиях, в Пушкинском Доме. Приводим из этой переписки несколько извлечений, которые покажут, между прочим, какое значение придавал Тургенев — как известно, горячий почитатель Пушкина — труду Анненкова³.

12 октября 1852 г. Анненков писал Тургеневу из своего Чирькова в Спасское-Лутовиново: «Третий месяц живу один-одинешенек в деревне и засел на 1832 годе биографии Пушкина. Решительно недоумеваю, что делать! Он в столице, он женат, он уважаем — и потому вдруг он убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы, да ничего в голову не лезет. И так, и сяк обходишь, а все в результате выходит одно: издавал Современник и участвовал в Библиотеке. Из чего было хлопотать и трубы трубить? Совестно делается. Бессилие свое и недостаток лучшего писательского качества — изложения твердого и скромного вместе, чтобы всем легко было читать, — видишь как 5 пальцев. Надаешь себе нравственных плюх и сядешь опять за ткацкий станок. Какая же это биография? Это уже не писанье, а просто влаченье по гололедице груза на клячонке, вчера не кормленной. Только и поддержки ей, что убеждение (хорош корм!), что по стечению обстоятельств никто так не поставлен к близким сведениям о человеке, как она. Не будь этой ответственности, не из чего было бы и отравлять себя. И так в ноябре доберусь питоябель-

¹ Анненков, вероятно, тогда же изучал и бумаги Опекни над детьми и имуществом Пушкина (см.: *Модзалевский Б. Л.* Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина в Музее А. А. Бахрушина. С. 91; примеч. 1).

² См. ниже, письмо И. В. Анненкова к Павлу Васильевичу в Чирьково от 26 августа 1852 г.

³ Издание это, по первоначальным предположениям, было задумано в двух сериях, с рисунками П. П. Соколова (см.: *Соколов П. П.* Воспоминания // Исторический вестник. 1910. № 10. С. 57).

ным образом до конца¹ в гадчайших лохмотьях. Нечего больно зариться на биографию. Есть кое-какие факты, но плавают они в пошлости. Только и ожидаю одной награды от порядочных людей, что заметят, что не убоюлся последней. Вот вам исповедь моя — и верьте — бесхитростная...»²

«Я понимаю, как Вам должно быть тяжело так дописывать биографию Пушкина — но что же делать, — отвечает Тургенев из деревни 28 октября 1852 г., — истинная биография исторического человека у нас еще не скоро возможна, не говоря уже с точки зрения цензуры, но даже с точки зрения так называемых приличий. Я бы на вашем месте кончил ее *ex abrupto*³ — поместил бы пожалуй рассказ Жуковского о смерти Пушкина — и только. Лучше отбить статуе ноги, — чем сделать крошечные, не по росту. А сколько я мог судить, торс у вас выйдет отличный. Желал бы я, говорю это откровенно, так же счастливо переменить свою манеру, как вы свою в этой биографии. Вероятно, под влиянием великого, истиннодревнего по своей строгой и юной красоте Пушкинского духа, вы написали славную, умную, теплую и простую вещь. Мне очень хочется дослушать ее до конца. Еще причиной больше вам сюда приехать»⁴.

«Кончил биографию, — читаем в следующем письме Анненкова к Тургеневу, от 4 ноября, **Н** Чирькова, — то есть, собственно, никогда и не начиналась она, — ну да там мало ли чего захочется человеку, откормленному разными затеями чужой кухни. *Ченстон* продолжает составлять мучение моей жизни. У меня есть просьба к вам. Напишите мне: 1) *К какому изданию* приложен список предшественников Шекспира и *сколько их* числом (о современниках его я знаю), 2) между Шекспиром и классическим направлением Английской литературы были ли трагики его школы и *сколько их*. Вы понимаете, что сказав это в биографии, мое полное убеждение, почерпнутое из соображений Пушкинских рукописей, что *Ченстон* выдумка — будет иметь вид посерьезнее, и аккуратным исполнением моей просьбы избавите вы меня от докучных справок в Москве. Сделайте это.

¹ Об этом сообщал Тургенев Некрасову в письме своем от 28 октября 1852 г. (Русская мысль. 1902. Кн. 1. С. 117).

² Неизданное письмо в Рукописном отделе Пушкинского Дома*.

³ без предварительной подготовки (*лат.*).

⁴ Наша старина. 1914. № 8. С. 755.

Нш

Вторая просьба. У Пушкина есть список драм, им задуманных, или может даже и написанных, но истребленных потом. В этом списке между Скупым, Моцартом — стоят и заглавия вроде следующих: Ромул и Рем (эти имена достаточно объяснены Кайдановым), *Беральд* или *Берольд* Савойский¹. При этом имени я бросился к Конверсационс-Лексикон — нет, к *Biographie universelle* — нет, к Лео, к Сисмонди — нет. Что же это такое? Поройтесь, пожалуйста, у себя в голове или в шкапу у себя: не найдете ли какой-нибудь ниточки, чтоб вытащить его на свет. Не трубадур ли? Да у Фориеля его тоже нет.

Третья просьба. Мне нужно непременно знать ваше мнение о *Guzla*, Меримэ. Имели ли вы эту книгу в руках и нет ли ее у вас и теперь. В последнем случае, величайшее одолжение сделаете, если тотчас же перешлете ее в Симбирск. Я от вас этого жду, но во всяком случае скажите, не кажется ли вам *Guzla* двойным шарлатанством, — взятием некоторых дальних звуков от мотивов действительно народных и потом заверением, что до всего дошел своим умом. Конечно, все это более объяснилось бы фактами, чем рассуждениями, но мне хочется только знать ваше нравственное убеждение, ваш взгляд, ваше впечатление».

Между тем слухи о работе Анненкова распространялись. 19 ноября (1 декабря) кн. П. А. Вяземский спрашивал Плетнева, «что слышно о новом издании Пушкина»², а П. И. Бартнев в то же время писал Плетневу (21 ноября): «Как бы я желал... показать вам мои собрания и материалы. Не без основания думаю, что издание Анненкова не совсем уничтожит мои труды... Хочу с ним состязаться в любви к Пушкину и во внимательности к его творениям... Надо сказать, что ведь я подбираю только оброненные колосья, тогда как у Анненкова целое несжатое поле...»³

Пятого декабря сам Анненков, в разгаре своих трудов, писал Погодину, что работа «занимает теперь все его время». «Работа моя, известная вам, оказалась гораздо сложнее, чем я думал. Биография подвигается медленно, что объясняется ее задачей — собирать сведения о Пушкине у современников. Вы знаете, какая бывает беготня за современниками. Биография Пушкина есть, может быть, единст-

¹ Ср.: *Анненков П. В.* Литературные проекты А. С. Пушкина // П. В. Анненков и его друзья. Т. 1. С. 484—485.

² *Плетнев П. А.* Соч. и переписка. Т. 3. С. 409.

³ Пушкинский Дом, архив Плетнева, письма П. И. Бартнева*.

венный литературный труд, в котором гораздо более разъездов и визитов, чем занятий и кабинетного сиденья. Мне удалось уже отобрать письменные сведения у барона Корфа¹, Матюшкина, Комовского, Яковлева. Много еще обещают впереди. Я писал отсюда к Вельтману и С. Д. Полторацкому, прося их о сообщении истории их знакомства с Пушкиным, особенно касательно Кишиневской и Одесской ее эпох, но ответов еще не получал². Горько будет, если совсем не получу. П. А. Плетнев, которому читал я первые листы биографии, делится своим добром весьма радушно, но есть еще человек, не сказавший своего слова. Это вы, Михаил Петрович. Я знал в Москве, что вы крепко заняты, и стыдился просить вас о постороннем деле. На бумаге это делается как-то легче, потому что бумага, вероятно, не краснеет. Глубокое, теплое воспоминание о Пушкине, которым вы оканчиваете свое письмо, развязало мне язык совсем. Ради Бога, сообщите о Пушкине все, что вы хотели бы слышать сказанным громко перед русской публикой; составьте записку вашу о Пушкине и не бойтесь отдать ваши воспоминания в неверные руки. Оценить его заслуги, может быть, я не сумею, но в способности понять этот удивительный характер — вряд ли кому уступлю. Много и здесь я получил от друзей-неприятелей его странных поминок, но в самих рассказах их превосходная личность Пушкина высказывается чрезвычайно ясно, назло им. Все это я пишу вам, чтоб несколько убедить вас в способности моей разбирать материалы. Что касается до ваших сообщений, то каждая ваша заметка, каждое число и каждый анекдот будут добро, благо и суцая драгоценность для Биографии. Это не комплимент, а мое убеждение³.

Отвечая на вышеприведенный вопрос Анненкова по поводу «Скупого рыцаря», Тургенев писал Анненкову из Спасского-Лутовинова 10 января 1853 г.: «О загадочном Шенстоне или Ченстоне я с месяц тому назад написал моему хорошему приятелю Чорлею*, одному из редакторов „Атензума“; как только получу ответ, — перешлю вам».

¹ Записка бар. М. А. Корфа опубликована впервые Л. Н. Майковым в «Русской старине» (1899. № 8 и 9) с обширным комментарием, изобличающим Корфа в чудовищном пристрастии. Оригинал записки Корфа находится в бумагах Майкова в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук.

² Воспоминания А. Ф. Вельтмана о Пушкине, полученные от него Анненковым, опубликованы были в полном виде лишь Л. Н. Майковым в «Русском вестнике» (1893. № 12); перепечатаны в его сборнике «Пушкин». Воспоминания В. И. Даля о Пушкине Анненков получил в 1853 г.

³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 12. С. 240—241.

Затем, приехав в Петербург, Анненков 26 января 1853 г. писал Тургеневу: «Катенин мне прислал записку о Пушкине — и требовал мнения. В этой записке, между прочим, Борис Годунов осуждается потому, что не годится для сцены, а Моцарт и Сальери потому, что на Сальери взведено даром преступление, в котором он не повинен. На последнее я отвечал, что никто не думает о настоящем Сальери, а что это только тип даровитой зависти. Катенин возразил: Стыдитесь! Ведь вы, полагаю, честный человек и клевету одобрять не можете. Я на это: Искусство имеет другую мораль, чем общество. А он мне: мораль одна, и писатель должен еще более беречь чужое имя, чем гостиная, деревня или город. Да вот десятое письмо по этому эфически-эстетическому вопросу и обмениваем, но напишите, как вам сам вопрос кажется?.. А за ваше участие в разысканиях о Ченстоне — глубокое спасибо. Буслаев мне обещался оказать точно такую же услугу в отношении Меримеевской подделки Славянских песен»¹.

«С каким нетерпением ожидаю я известие о вашем Пушкине!» — восклицал Тургенев в следующем письме из деревни, от 29 января 1853 г.², а 2 февраля писал Анненкову: «Сообщу вам отрывок из письма Ф. Чорлея, одного из редакторов Атензума о Шенстоне (Ченстона он не знает вовсе).

„Я могу сказать Вам с уверенностью, что в этом случае Ваш великий писатель — (Пушкин) — позабавился над Вашей публикой. Ни такой драмы, ни даже отрывка такой драмы не существует у Шенстона; это был приятный, несколько болезненный писатель, который писал идиллии во вкусе Гварини. Он также написал поэму под названием Школьная Учительница — в духе старинного английского юмора“.

Вопрос о Шенстоне кончен, но Ченстон меня мучит. Я опять напишу Чорлею, чтобы он опять порылся, не было ли какого Ченстона между драматическими английскими писателями. Несколько стихов в монологе Скупца носят слишком резкий отпечаток не Русского происхождения — от них веет переводом: а именно:

совесть,
Когтистый зверь скребящий сердце, совесть
и т. д.

¹ Ср.: *Майков Л. Н.* Пушкин. С. 320—321.

² *Наша старина.* 1914. № 9—10. С. 846.

до

Смущаются и мертвых высылают.

Чистая Английская, Шекспировская манера.

Я написал Чорлею, чтобы он спросил об этом у Пэна Коллиера, первого знатока этого дела в Англии, — Вы верите, любезный друг, мы для вас готовы воротить небо и землю... Вы, я думаю, знаете, что почти все антологические стихотворения Пушкина переведены из А. Шение?»¹

«Спасибо о Шенстоне, — отвечал Анненков, — хотя он был решен для меня еще в Москве; — остается Ченстон, но и тот много утерял важности своей. Издатели Атенеума не слыхивали об его трагедии! Значит — все вздор».

Двадцать четвертого февраля, из Орла, Тургенев снова с нетерпением спрашивает: «Да что издание Пушкина?» — а 14 марта писал: «Что вы ничего не говорите о вашем издании?» — и прибавлял: «О Ченстоне нет еще окончательного ответа». «О Ченстоне окончательного ответа пока нету», — писал он и 2 апреля.

Около того же времени Анненков писал П. А. Плетневу: «Этими тетрадями кончается первая часть биографии, почтеннейший Петр Александрович. Вторая начинается женитьбой и завершается смертью поэта. Нет ли каких-либо дополнений, упущенных подробностей, не тронутых сторон, анекдотов, частных? Заметки ваши — сокровище. Если угодно будет сделать какой-либо намек, то я сам буду иметь честь приехать к вам за объяснением. Боюсь, что вы не разберете руки в последней тетради. П. Анненков»². Судя по помете на этом письме, Плетнев ответил Анненкову 6 апреля, но ответ его нам не известен.

«Что вы мне ни слова не скажете об издании Пушкина? Бойтесь сглазить?» — снова спрашивал Тургенев 21 апреля, а 12 мая писал из Спасского, что из письма Анненкова только что узнал, что тот еще «не приступил к печатанию издания Пушкина и раньше осени не приступит».

Семнадцатого мая Анненков писал Тургеневу: «Теперь я не могу оставить город, в котором все материалы у меня под рукою, начиная с Публичной Библиотеки и до Вашей, да, Вашей, сохраняющей-

¹ Наша старина. 1914. № 9—10. С. 847—848.

² Пушкинский Дом, архив Плетнева*.

ся у Языкова¹. Польза, которую вы мне приносите ею, тогда только может быть оценена, когда узнаешь, что русской библиотеки нет нигде, что Публичная не имеет не только собрания журналов и альманахов, но даже изданий 1825 и 30 годов (Крылов, Дельвиг, Востоков считали ее своей собственностью и оставляли у себя на дому присылаемые книги), что для незначительной справки о стихе надо объехать Лонгинова, Гаевского, Плетнева, Срезневского и проч. и проч. Таковы условия труда на Руси. Вы мне подтвердите право на вашу библиотеку, как на мою временную собственность, это необходимо для меня. Но уже время не далеко, полагаю, — когда я высвобожусь».

«Даю вам полное право распоряжаться по благоусмотрению вашему купленной мною библиотекой, находящейся у Языкова», — отвечал Тургенев Анненкову 25 мая. Девятого июня он снова спрашивал, подвигается ли издание, и повторял вопрос 15 июня: «Что ваш Пушкин — подвигается?.. Я получил письмо от Чорлея окончательное — о Ченстоне. Такого писателя решительно *не было*. Вопрос этот кончен».

Между тем Анненков продолжал свои разыскания. «Я познакомился здесь со Смирновой для собственных нужд, — писал он Тургеневу из Петербурга 6 июля. — Женщина умная и человек — бестия. Большим пособием в этих сношениях служит для меня то, что она несколько меня не уважает, и по малозначительности персоны не имеет нужды ни себя ломать, ни меня притеснять, но пользу уже оказала».

«Пушкин весь кончен, — сообщал наконец Анненков Тургеневу через две недели (20 июля) в письме из Петербурга, — с биографией, с хронологическим порядком, с примечаниями. В рукописи имеет, кажется, Европейский вид, но наступает решительный шаг».

«Пушкин кончен, — отзывался Тургенев в письме от 26 июля, — вот это большая и радостная весть. Поздравляю вас с окончанием такого славного и трудного дела. Ваше издание останется в русской литературе — и ваше имя. Дай Бог вам благополучно окончить печатанье и не замешкаться в материальных и пр. подроб-

¹ Это была купленная Тургеневым у вдовы Белинского библиотека критика, впоследствии перевезенная в Спасское-Лутовиново*. О ней упоминает Тургенев в письме к Анненкову от 1 октября 1854 г. (Былое. 1925. № 1. С. 83).

ностях. Вот бы время вам приехать отдохнуть на месяц в Спасском!»

Но отдохнуть было еще рано: предстояли хлопоты с цензурой, едва ли не более сложные, чем самое соби́рание материалов. Хлопоты эти заняли у Анненкова август и сентябрь 1853 г., растянувшись затем и на длинный ряд последующих месяцев¹. В записках, поданных тогда министру народного просвещения А. С. Норову, «он изъяснил, что Опекa над детьми Пушкина передала свое право на издание ему, Анненкову, с условием непосредственного наблюдения за сим изданием, и поручила ему же, для полноты издания и предупреждения опытов биографии А. С. Пушкина, какие уже показывались в журналах, заключая не совсем верные показания, — составить такую биографию. Он, Анненков, исполнил это, обращая преимущественное внимание на литературную деятельность покойного; черты же из его жизни сообщены составителю родственниками и близкими людьми поэта, как-то: братом, покойным Львом Сергеевичем Пушкиным, сестрою — Ольгою Сергеевною Павлицевою, Н. Н. Ланскою² и проч. Г. Анненков присовокупил, что цель биографии также заключается и в том, чтоб указать примерное религиозное и нравственное направление Пушкина во второй половине его жизни. При сем г. Анненков представил мне: 1) составленную им биографию под названием „Материалы для биографии А. С. Пушкина“, в двух рукописных томах, 2) пять рукописных тетрадей под литерами А, Б, В, Г, Д, с разными стихотворениями и прозаическими, отчасти не бывшими еще в печати, отчасти же напечатанными в периодических изданиях прежнего времени статьями Пушкина и примечаниями на все его сочинения, и 3) девять печатных брошюр с разными статьями, напечатанными в периодических изданиях прежних лет, но в последнее издание не вошедшими»³.

Цензура представленных рукописей была поручена попечителем петербургского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным извест-

¹ Дела III отделения об А. С. Пушкине. СПб., 1906. С. 222. 1 сентября 1853 г. помечено предисловие, или объяснение Анненкова, напечатанное при II томе Сочинений и излагающее программу издания.

² Это единственное указание на содействие вдовы Пушкина; ниже, из записей Анненкова, видно ближайшим образом то немногое, что сообщила она биографу поэта.

³ Дела III отделения об А. С. Пушкине. С. 222—223.

ному цензору А. И. Фрейгангу¹, придирчивая и мнительная осторожность которого причинила немало хлопот и огорчений Анненкову. «Издание мое в цензуре и притом — у Фрейганга, — писал Анненков Тургеневу 8 октября. — Оно должно пройти все степени, повышаясь все более, а я за ним — хоботом. Процедуре этой я рад, потому что только ею узнаются намерения, очищаются сомнения и открывается мысль, а всего этого я не боюсь. Однако ж и ворочает это — точно процесс».

И действительно, дело с цензурой вызвало целую «любопытную тяжбу», которую Анненков должен был вести с цензурным ведомством и о которой он впоследствии рассказал подробно в особой статье под тем же заглавием².

Между тем Тургенев не переставал спрашивать Анненкова о положении дел.

«Что вы мне ничего не пишете об издании Пушкина? Я из этого заключаю, что оно идет своим порядком», — писал он 6 ноября 1853 г. — как раз в то время, когда, по окончании первого строгого и придирчивого просмотра Фрейганга, рукописи Анненкова, вернувшись из цензуры в министерство народного просвещения, направлялись последним в III Отделение для решения вопроса, могут ли в таком виде, более полном, чем издание 1838 г., быть изданы сочинения Пушкина. Начальник III Отделения гр. А. Ф. Орлов 27 января 1854 г. положил следующую резолюцию на записке, представленной ему по этому случаю: «Издание сочинений Пушкина может быть допущено в испрашиваемом Г-м Анненковым виде³, но необходимо, чтоб г-н Министр Народного Просвещения испросил на это высочайшее соизволение». Норов уведомлен был о решении Орлова 28 января⁴ и затем, 26 марта и 7 мая, цензура разрешила добавления и поправки к биографии Пушкина, доставленные Анненковым⁵. Последний 1 мая писал Тургеневу: «Пушкин подвигается. Биография переписывается и теми, которые слышали ее, похваливается, ибо

¹ Дела III отделения об А. С. Пушкине. С. 223, 225, 227—228; П. В. Анненков и его друзья. Т. 1. С. 394.

² Вестник Европы. 1881. № 1; П. В. Анненков и его друзья. Т. 1. С. 393—423. Ср. еще в статье Ю. Г. Оксмана «Легенда о стихах Ленского» (Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37. С. 64 и след.).

³ С исключением только мест, замеченных г. попечителем С.-Петербургского учебного округа, т. е., собственно, цензором Фрейгангом.

⁴ Дела III Отделения об А. С. Пушкине. С. 231.

⁵ Там же. С. 232—239.

есть люди, изливающие силу свою из одежд, если даже и сзади к ним прикоснешься. А вышло биографии на могущественный том листов в 30. Это, разумеется, сожмется, в дальнейшем ходу. Задавлен я теперь проверкой текстов. Это работа, под которой, с непривычки, я ей богу погибал и теперь еще едва на поверхности, но надеюсь нынешнем летом все порешить».

«Известите о Пушкине, если что выйдет благоприятное, — и вообще не оставляйте известиями», — писал Тургенев Анненкову из Спасского спустя пять месяцев, 1 октября 1854 г.¹ Но лишь 7 октября последовало, по представлению Норова, окончательное разрешение со стороны Николая I на анненковское издание в следующих характерных выражениях: «Согласен, но в точности исполнить, не допуская отнюдь неуместных замечаний или прибавок редактора»².

«На прошлой неделе, — сообщал по этому случаю Анненков Тургеневу, — получено последнее согласие на издание Пушкина, но с некоторыми ограничениями. Как бы то ни было, — к половине октября начнется печатание» (письмо от 11 октября).

Пятнадцатого октября Тургенев спрашивал из Спасского: «...вышло ли разрешение на печатание Пушкина?» — а 18 октября, получив письмо Анненкова, писал: «Душевно радуюсь получению разрешения насчет Пушкина — наконец!»

Шестнадцатого октября Некрасов, в свою очередь, сообщал Тургеневу, что Анненков «Пушкина получил и на следующей неделе приступает к печатанию»³, а 22 октября писал, что Анненков «в сильной деятельности, но что это за кулацкое безвкусие! Я ему помогаю в выборе бумаги, но не я буду виноват, если формат нового Пушкина будет уродлив и шрифт гадок, — уж эти статьи он решил! Шрифт (тонкий и узкий) особенно для стихов мне решительно не нравится. Издание скоро начнется»⁴.

Упреки Некрасова⁵ нельзя признать справедливым, но сообщение его о начале издания было верно: 22 октября помечены цензурные

¹ Былое. 1925. № 1 (29). С. 83.

² Дело III отделения об А. С. Пушкине. С. 241.

³ *Пытин А. Н.* Некрасов. СПб., 1905. С. 125; Тургенев отвечал: «Поздравь от меня Анненкова с благополучным окончанием первой и важнейшей половины его дела» (Русская мысль. 1902. Кн. 1. С. 120).

⁴ Там же. С. 126—127.

⁵ О его участии в деле Анненкова см.: *Панаева А. Я.* Воспоминания. С. 296—299, и ниже, в письмах И. В. Анненкова.

разрешения на I и II томах Сочинений (цензором А. И. Фрейгангом)¹, а 27 октября сам Анненков сообщал Тургеневу: «Наступили хлопоты для меня. Я печатаю Пушкина в двух типографиях² — бумага, обертка, рисунки, шрифты, факторы, брошировка, — сон даже потерял. Первого ноября надеюсь увидеть первую корректуру — будет мне это впечатлительно. Затем пойдут листы за листами, листы за листами. Не скрою, что страшно за себя, — ведь я собрал все мерзости последнего издания в примечаниях моих, а как сам наделаю ровно такое же количество их, то уж нехорошо. А русские корректоры и русские типографии на то и существуют, чтоб показать, как бы приятно было иметь настоящих корректоров и настоящие типографии...» «Посылаю вам корректуру (неисправленную) только что полученную моего объявления. Это из календаря на 1855 г., где оно будет приложено³. Такое же точно будет припечатано и во всех газетах. Напишите, достаточно ли? И так ли?⁴ Да распространите около себя слух об издании. Деньги нужны, ах, нужны — менее 15 т. руб. сер. нельзя сделать, а их далеко, очень далеко еще нет».

Незадолго до выхода в свет «Материалов» Анненкова ему пришлось вступить в спор с конкурировавшим с ним Бартевым, — по следующему поводу. В № 71 «Московских ведомостей» от 15 июня 1854 г., в литературном его отделе, появилась 1-я глава работы Бартева «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии», посвященная детству поэта, причем в 4-м примечании к статье было сказано: «Большую часть сведений о детстве Пушкина мы заимствуем из записки, составленной со слов сестры его, Действ. Ст. Советницы Ольги Сергеевны Павлищевой, и приносим ей за то усерднейшую благодарность». Примечание это дало И. В. Анненкову повод спустя четыре месяца обратиться к Павлищеву с таким письмом:

¹ На 3-м и 4-м томах это разрешение помечено 1 ноября.

² Том 1-й печатался в Военной типографии, а тома 2—4-й в типографии Главного штаба по военно-учебным заведениям: в этом сказались личные связи И. В. Анненкова, служившего в 1854 г. и. д. вице-директора Инспекторского департамента Военного министерства; тома 5-й и 6-й — в типографии Эдуарда Праца.

³ «Месяцеслов» на 1855 г., объявления. С. VII—VIII; объявление разрешено к печати цензором Фрейгангом 23 октября 1853 г.

⁴ См. его, между прочим, в книге «П. В. Анненков и его друзья» (т. 1, с. 383—385).

Милостивый Государь
Николай Иванович!

Я обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою. В бытность вашу в Петербурге в 1851 году я просил вас составить записку о детстве Александра Сергеевича Пушкина, по воспоминаниям супруги вашей, для будущей биографии поэта, которую предполагал присоединить к новому изданию сочинений его, порученному мне тогда опекой над детьми покойного. Супруга ваша и вы сами были так добры, что приняли мою просьбу, и драгоценная записка о детстве Пушкина, написанная вашею рукою, была мне вручена тогда же. Впоследствии я передал как составление биографии поэта, так и приготовление издания брату моему Павлу Васильевичу Анненкову. После многих трудов, целого года высшего цензурного рассмотрения и наконец Высочайшего соизволения на издание как сочинений поэта, так и биографии его (куда с искренним изъявлением признательности за сообщение вошла и записка ваша) — я к удивлению нахожу в Московских Ведомостях 1854 года. № 71, в статье «Александр Сергеевич Пушкин», отрывки из вашей записки и все содержание. Автор статьи г. Бартнев приводит ее, как будто это была его собственность или поручена ему для опубликования.

Теперь, когда уже началось печатание нового издания сочинений Пушкина, вы легко поймете, как неприятно будет брату моему носить упрек в присвоении чужой собственности или употребления материалов, не принадлежащих изданию. Вот почему обращаюсь к вам с убедительнейшей просьбой уведомить меня, дано ли было вами позволение г. Бартневу к опубликованию записки вашей. В случае, если никакого позволения от вас не было, то я прошу вас послать в редакцию Московских Ведомостей или журнала «Москвитянин» небольшую записку с объяснением истины и с подтверждением, что записка исключительно принадлежит изданию Пушкина, которое теперь печатается.

В случае данного вами позволения, так как вы всегда имели право располагать своею собственностью, — убедительнейше прошу вас о публичном заявлении посредством тех же органов, что записка ваша первоначально была составлена по просьбе издателей нового собрания сочинений Пушкина. Вы понимаете, Милостивый Государь, настоящие причины моего домогательства, — тут дело не в интересах, а в сохранении честного имени перед публикою, что особенно и тревожит брата моего, нынешнего издателя Пушкина. Надеясь на прежнее ваше благорасположение, я смею ожидать ответа вашего, и если вы убедитесь в необходимости публикаций, по моему мнению неизбежных, то утруждаю просьбою о присылке с них копий. Вы согласитесь, что неприятно быть зачисленным в число тех писателей, которые не имеют понятия о правах литературной собственности и ради тщеславия посягают на все, что ни попало под руку или что плохо лежит.

Для устранения даже и тени неблагородного подозрения, я прошу вас как от своего имени, так и от имени брата — услуги, которая совершенно сходна с истинною, как вы знаете.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга

1854 года октября 16 дня.

И. Анненков.

Адрес мой: в Главном Штабе.

С. Петербург¹.

Павлищев, получив это письмо 23 октября, на другой же день ответил И. В. Анненкову, что он Бартенева не знает, и просил прислать ему № 71 «Московских ведомостей».

Получение этого письма Павлищевым совпало с получением О. С. Павлищевой письма Бартенева (от 30 октября); в нем Бартнев, посылая сестре Пушкина отдельные оттиски двух первых статей своих о поэте, благодарил ее «за сведения, найденные им в записке ее об детстве его», и просил «об исправлении и указании сделанных им ошибок». «Биография Александра Сергеевича, — прибавлял он, — есть дело общее: это одно дает мне смелость обращаться к вам с подобною просьбою...» Между тем П. В. Анненков 13 ноября снова писал Н. И. Павлищеву, по тому же поводу использования Бартневым записки Павлищева о Пушкине:

Милостивый Государь

Николай Иванович!

Я решаюсь лично благодарить вас за письмо ваше к брату моему Ивану Васильевичу, которым вы изволите подтвердить права нового издания Пушкина на записку, вами составленную. Препровождаю при сем статью г. Бартенева. Если вы признаете нужным сделать какую-либо протестацию против самоуправства автора, то нескольких строк в Московских Ведомостях будет достаточно. Брат желал бы устранить свое имя из печати, так как все издание передано мне, и я им один и занимался действительно. Во всем остальном просим вас поступить совершенно по вашему благоусмотрению и самим определить — пользу или бесполезность печатного объявления.

Подписка на новое издание Пушкина здесь открыта. Передо мной уже лежат первые 11 листов, вышедших из печати. Нет сомнения, что вы и супруга ваша получите первые экземпляры прямо из типографии.

Я бы желал знать, есть ли русские книгопродавцы в Варшаве, и можно ли открыть, посредством их, подписку и продажу Пушкин в Варшаве с той уступкой 10% в пользу комиссионеров, какую я здесь делаю

¹ Печатаем его по подлиннику, находящемуся в нашем собрании*.

всем вообще книгопродавцам. Я не смею утруждать вас каким-либо поручением, но желал бы знать ваше собственное мнение о возможности или невозможности приобрести покупателей Пушкина в самом сердце Польши. Простите эту доuku заботливости человека, не очень богатого, который употребил 20 000 р. сер. на издание поэта, так близкого всем по всем отношениям¹.

Во всяком случае, прилагаю объявление о выходе издания² и остаюсь в надежде вашего ответа. Я живу вместе с братом: в Главном Штабе, в квартире Вице-Директора Инспекторского Д-та.

С глубочайшим уважением имею честь остаться покорнейшим слугою

С.-Петербург.

Павел Анненков.

Ноября 13-го дня 1854³

Получив это письмо 22 ноября, Н. И. Павлищев на следующий же день, 23 ноября (5 декабря), писал жене Ольге Сергеевне в Петербург, где она жила с сыном и дочерью:

Некто Бартенъев, чуть ли не хромоногий гувернер Шевичей, напечатал в Московских ведомостях статью: «А. С. Пушкин. Глава 1-я. Детство». В примечании к статье сказано: «Большую часть сведений о детстве Пушкина мы заимствуем из *записки*, составленной со слов сестры его, Действ. Ст. Советницы Ольги Сергеевны Павлищевой, и приносим ей за то усерднейшую благодарность».

Записку эту составлял я для Анненкова, по случаю издания им сочинений А. С-ча, с подробною биографиею.

Как издатель, дорожающий материалами и собираемыми сведениями, Анненков (не флигель-адъютант, а брат его Павел Васильевич) обратился ко мне с жалобой на Бартенева, который невесть с чего предал тиснению то, что ему не принадлежало и было написано для издателя полных сочинений А. С-ча. Конечно, неприятно и неловко теперь Анненкову печатать биографию с такими сведениями, которые, по-видимому, заимствованы из статьи Бартенева, тогда как напротив Бартенев *едва ли законно* огласил то, что принадлежало издателям Пушкина.

¹ Мы видели, что опеке Анненков уплатил 5000 руб. — следовательно, типографские расходы и бумага стоили Анненкову 15 000 руб., т. е. по 3 руб. на каждый из 5000 экземпляров. Продажная цена экземпляра, по подписке, была 12 руб.; следовательно, продажа всех экземпляров должна была дать 60 000 руб., вычитая 20 000 руб. расходов, — 40 000 тыс. чистого дохода (Следует заметить, что 5000 экз. — тираж, *предположенный* Анненковым; действительный тираж нам неизвестен, но скорее меньше, чем больше 5000 экз. — *Ред.* 1929).

² Последняя часть литературного отдела «Московских ведомостей» от 4 ноября 1854 г. (с. 552).

³ Пушкинский Дом, архив «Русской старины», № 585.

Посему-то Анненков просит меня объявить в газетах, что записка, составленная мною со слов твоих, мой друг, составлена была для него, как издателя Пушкина сочинений.

Из статьи Бартенева видно, что ты давала ему эту записку. Но отдавая ее ему, не помнишь ли, что ты ему сказала: разрешала ли его пользоваться как ему угодно, или давала ему только для прочтения? Согласно твоему ответу я напишу статью в Московские ведомости. Если он употребил во зло рукопись, данную ему *только для прочтения*, то возьму ему голову; если же он имел от тебя разрешение поступить с запискою как ему угодно, то ограничусь только объявлением, что она составлена мною для Анненкова, по желанию и просьбе его, как издателя сочинений П-на.

В заключение скажи, пожалуйста, у тебя ли эта записка или она осталась в руках Бартенева? Все это — с первою почтою...¹

Но еще до получения этого письма О. С. Павлицева писала мужу (29 ноября): «От Соболевского... я получила довольно глупое письмо, ибо шуточки выкидывает некстати, посылает также печатный вздор [?!] Бартеньева Хромононого насчет сведений об Александре Сергеевиче с приложением от него письма ко мне, на которое, разумеется, отвечать не намерена»². Этот тон не совсем понятного неблагожелательства к талантливому и усердному биографу еще резче звучит в следующем письме О. С. Павлицевой к мужу, — от 3 декабря, — в ответ на приведенный выше запрос Павлицева:

Cet imprudent diable Bartenef m'a donné du fil à retordre; quel front d'airain! C'est inouï!!! Je vous écris encore aujourd'hui pour vous dire que hier j'ai répondu à ses amabilités par Sobolevsky auquel j'ai écrit aussi quelques lignes pour le mettre au fait de la chose, en lui envoyant en même votre lettre concernant Bartenef. Mon épître à celui-ci était insérée sans être cachetée. Je priai Sobolevsky de la lui lire tout haut, devant les autres, et s'il le trouvait (*нрзб.*) nécessaire, de la publier même dans la Gazette de Moscou³.

¹ Пушкинский Дом, архив «Русской старины», № 585.

² Пушкинский Дом, архив Павлицевых, письма О. С. Павлицевой к мужу, № 4, 1854—1855.

³ Этот бесчестный дьявол Бартенев наделал хлопот; что за медный лоб! Это неслыханно!!! Я пишу Вам сегодня, чтобы сказать, что вчера я ответила на его любезности через Соболевского, которому я также написала несколько строк, чтобы ввести его в курс дела, послав ему и Ваше письмо, касающееся Бартенева. Мое послание к нему было отправлено не будучи запечатанным. Я просила Соболевского прочитать ему письмо вслух, в присутствии остальных, и если он сочтет это необходимым, даже опубликовать в «Московских ведомостях» (*франц.*).

Вот письмо Бартенева при присылке его брошюрок¹. На это я ему с месяц не отвечала и не хотела отвечать, но твое письмо вынудило меня уже написать. —

„М. г. Петр Иванович! — Получивши письмо ваше чрез Сергея Александровича, я была чрезвычайно удивлена изъявлением вашей признательности за данные будто бы мной вам сведения о детстве А. Сер. Я вовсе ее не заслуживаю, удивляясь лишь только тому, кто бы мог сообщить вам оные от моего имени; конечно, не господин Анненков, которого статья ваша, публикованная в Московских ведомостях, привела в справедливое негодование против меня и моего мужа.

Муж мой единственно для господина Анненкова составил из слов моих краткое начертание о детстве покойного брата, и в то время (нужно ли мне вам это напомнить?), когда вы меня спрашивали о нем, я лишь советовала вам обратиться к самому г. Анненкову или к Сергею Александровичу Соболевскому, у которого тогда находилась копия с оного. Мне же очень понятно, что если б даже я и хотела удовлетворить вашему любопытству, я не была в состоянии этого сделать, страдая жестокой головной болью, которая и принудила меня чрез минут десять прекратить с вами мою беседу; с тех пор я не имела удовольствия нигде вас встретить. Позвольте же мне вам повторить, что я никак со стороны вашей не заслуживаю благодарности; изъявите оную тому, кто вам доставил, без моего согласия, материалы для вашей статьи и даже совершенно без моего ведома. О. П.“

J'ai été pressée de lui envoyer cette lettre que je ne pensais ni à corriger le style, ni les fautes qui probablement s'y sont glissées, Léon étant déjà parti pour son université, — toutefois je prie Sobolevsky de le faire s'il juge à propos de l'insérer dans les Московские Ведомости; je ne crois pas pourtant qu'il se donne cette peine², для этого надо бы и предыдущую статью об этом написать, и потому не сделаешь ли ты сам этого, предуведомляя, однако Соболевского обо всем. *Бартенев же присылает свой адрес: в Москве, на Молчановке, в доме Ст. Сов. Бахметева; Соболевского же — на Девичьем поле, в доме Мальцова...*³

Вскоре Соболевский, получив упомянутое письмо О. С. Павлицевой (нам неизвестное), послал самому Н. И. Павлицеву следующее любопытное письмо.

¹ Приведено письмо Бартенева (от 30 октября), выдержки из которого мы уже поместили выше, с. 459, по копии.

² Я поспешила послать ему это письмо, в котором не думала исправлять ни стиль, ни ошибки, которые, вероятно, туда вкравлись, Леон уже уехал в университет, — все же я прошу Соболевского сделать это, если он решится опубликовать его в «Московских ведомостях»; однако я не считаю, что он возьмет на себя этот труд (*франц.*).

³ Пушкинский Дом, архив «Русской старины», № 585.

На днях, любезный Павлищев, получил я письмо от Ольги Сергеевны, к которому приобщено было ваше от 23 ноября (5 декабря). Претензии Анненкова вздорны: вот как было дело:

Приезжаю раз к Ольге Сергеевне и прошу ее о позволении привезти к ней некоего юношу Бартенева, ревностного собирателя сведений об Александре Сергеевиче. Позволение мне дано: *впрочем*, промолвила Ольга Сергеевна, *все, что я знаю и помню о детстве брата, внесено в эту тетрадь; возьмите ее и сообщите ему*. Тут не было прибавлено ни слова об том, чтобы вышеписанная тетрадь была составлена для особой цели или в пользу какого-нибудь лица; *ergo*: Бартенев имел полное право пользоваться ее содержанием; я же имел не только право, но и *обязанность* сообщить тетрадь Бартеневу.

Из сего следует, что вы, любезнейший Павлищев, не имеете ни малейшего повода претендовать на Бартенева *de jure*. А что и *de facto* претендования на него быть не может, в том уверитесь вы из самой его статьи, при сем прилагаемой. Статья содержит 66 + 16 страниц (82 страницы), каждая страница содержит до 35 строк; положим только 80 страниц по 30 (только) строк на каждую; и так написано на этот раз Бартеневым 2400 строк.

Сколько заимствовано Бартеневым из тетради Ольги Сергеевны и не было прежде у Бантыша-Каменского и других биографов?

1) то, что мать Пушкина называли креолкою,

2) то, что Дельвигу нравились письма бабки Пушкина (другие подробности о сей последней слышаны Бартеневым от родной его тетки Надежды Петровны Бурцевой, которая коротко знала Марию Алексеевну Ганнибал и Надежду Осиповну Пушкину),

3) Анекдот: Ну нечего скалить зубы*,

4) то, что сказано о первых поэтических стихах Пушкина.

5) то, что Пушкина крестил Воронцов**.

Вот и все. Остальное о детстве Пушкина взято из Бантыша-Каменского, писавшего со слов Сергея Львовича.

Ergo, из 2400 строк статьи Бартенева только 50 (*ad maximum*, и то гораздо меньше) почерпнуты из того, что есть в статье, писанной со слов Ольги Сергеевны.

Удивляюсь мелочности наших Литераторов и их жадности. Как не делиться тем, что есть или что знаешь? Например, хорошо ли бы я сделал, если бы сохранил у себя и для себя ту массу стихов (из Онегина, Бориса Годунова, Кто знает край, где небо блещет¹; Какая ночь, мороз трескучий и пр.), которую я немедленно после смерти Пушкина и возвращения моего из-за границы отдал в Современник 1838 года? Хорошо ли бы я сделал, держав под спудом найденную мною в бумагах Льва статью об Александре (она напечатана в Москвитяине)***, и наконец, неужели мне теперь, когда

¹ Современник. 1838. № 9. — Б. М.

выйдет биография Анненкова, чинить на него суд за все то, что Анненков поместил в нее *вероятно* из 36 писем Александра к Льву, писем, принадлежащих моему опекунству, мною самим переписанных и сообщенных многим, разумеется не для корысти, а в пользу отечественной Литературы?

Для оной же пользы замечу, что я вышереченных писем *никому* не сообщал в оригинале, а сам списывал их прежде, дабы исключить некоторые шуточки или намеки на лица семейные или живущие, от чего в ходячем списке произошли такие перемены и перестановки, коими я приобрел возможность доказать всем и каждому, что *эти письма до меня никому и никем* сообщены быть не могли и что, следовательно, всякое их обнаружение есть нарушение собственности малолетних, коих имущество вверено моему попечению.

6/18 декабря 1854.

Прощайте. Весь ваш *Соболевский*

Москва,

дом Мальцова на Девичьем поле

Наше дело в Ломбарде подвигается к концу и по полученным мною сведениям, вам уплата учинится послезавтра (8-го числа). Дай Бог! 3000 по заемному письму также есть чем уплатить, о чем мною приказано. А как мы уплатили прочие долги (долги собственно Льва Сергеевича) — это весьма гадательная статья»¹.

Седьмого декабря О. С. Павлищева снова упоминала в письме к мужу «насчет Бартенева» и сообщала, что 29 ноября писала ему, переписав письмо к ней Бартенева и свой ответ последнему; «будет ли мне отвечать Соболевский, это еще вопрос»²; но Соболевский ответил, — что видно из письма О. С. Павлищевой к мужу от 16 декабря: «Sobolevsky m'a écrit, il prétend que je lui avais donné la copie de l'article concernant son [т. е. Пушкина] enfance rien que pour la communiquer à Bartenief; il prend le parti de ce dernier, cela va sans dire — comment ai-je pu le faire? Sobolevsky avait déjà la copie et ce n'est que pour me débarrasser du diable boiteux³ que je renvoyais celui-ci à Sobolevsky⁴. Я не ожидала такой плохой шалости от Соболевского». Несмотря

¹ Пушкинский Дом, архив «Русской старины», № 585. На письме помета рукою Н. И. Павлищева о получении: «19 (31) Декабря 1854».

² Пушкинский Дом, архив Павлищевых, письма О. С. Павлищевой к мужу, тетрадь 4, 1854—1855 гг.*

³ Бартенев, как известно, был хром на одну ногу и ходил на костыле.

⁴ Соболевский написал мне, что он настаивает, чтобы я дала ему копию статьи, касающейся его [Пушкина] детства, лишь для того, чтобы передать ее Бартеневу; он, само собой разумеется, принимает сторону последнего, — как я могла это сделать? У Соболевского уже была копия, и только чтобы отвязаться от хромого дьявола, я вновь послала его и Соболевскому (*франц.*).

на то, что, как видно из этих слов О. С. Павлищевой, она сама была виновата в том, что записка попала к Бартеневу, она считала виновными и Бартенева, и Соболевского.

Приведенное выше письмо Соболевского от 6/18 декабря не убедило и Павлищева в правоте Бартенева и в неосновательности Анненкова, — и он в тот же день составил следующее заявление, которое, судя по помете его на черновике, было составлено им 22 декабря 1854 г. (3 января 1855 г.) при письмах в редакции «Северной пчелы» (Булгарину), «Москвитянина» (Погодину) и «Московских ведомостей». В заявлении этом, указав на печатную благодарность Бартенева О. С. Павлищевой за ее записку о детстве Пушкина, он писал: «Автор статьи выразился неясно. За что именно благодарит он? Я знаю, что он благодарит за сведения, найденные им в записке, благодарит сестру поэта за то, что она передала на бумагу воспоминания свои о детстве брата; но другие могут подумать, что благодарность изъясляется ей за сообщение самой записки, тогда как подобная благодарность должна быть изъяслена не ей, а тому, кто сообщил г. Бартеневу записку. Это требует объяснения¹. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина, со слов сестры его, моей жены, написал я в Петербурге, в 1851 году, для издателя сочинений Пушкина Павла Васильевича Анненкова, будучи свидетелем усердного желания его обогатить новое издание биографиею, достойною памяти нашего поэта. Таким образом записка эта сделалась собственностью П. В. Анненкова и вошла в состав биографии поэта гораздо прежде, нежели г. Бартенев почерпнутые в ней сведения напечатал в Московских Ведомостях. Варшава. 19 (31) декабря 1854 г.»²

Между тем О. С. Павлищева продолжала негодовать на Соболевского. 4 января 1855 г., упоминая о посещении Ф. Ф. Вигеля, она писала: «Соболевского он терпеть не может, — кажись за эпиграмму на его счет, — а сей напакостил с Бартеневым и увертывается правдоподобною ложью» — и прибавляла: «Надоели мне все эти господа, — не думала, не гадала — попала под тиснение, что меня почти бесит...»³ Когда же вскоре заявление Н. И. Павлищева было напечатано в «Мос-

¹ Было ранее написано: «...тогда как Ольга Сергеевна ему не сообщала ее и не могла сообщить, по нижеследующей причине, неизвестной, вероятно, и г. Бартеневу».

² Пушкинский Дом, архив «Русской старины», № 585.

³ Пушкинский Дом, архив Павлищевых, письма О. С. Павлищевой, тетрадь № 4, 1854—1855.

квитянине» (1855, № 1, кн. 1, с. 200)¹, оно очень раздражило, в свою очередь, Соболевского, судя по письму О. С. Павлищевой к мужу от 25 февраля. «Соболевский, — читаем здесь, — бесится за твою статью в Москвитянин, il dit: „Votre époux a fait insérer dans le Москвитянин un avis tout à fait déplacé et injuste à propos de Bartenief — *je vous en remercie tous les deux de ne pas savoir à votre âge ménager vos vieux amis!!!* с выноской: *par rapport à ce qui me concerne*“»².

Перед выходом в свет первых томов анненковского издания в ноябрьской книжке «Современника» появилась информационная заметка, принадлежащая, быть может, перу одного из редакторов журнала — Панаева или Некрасова, из коих последний, как мы видели, принимал участие в судьбе издания и очень им интересовался. Такие же заметки были напечатаны в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1854, № 255) и в «Журнале Министерства народного просвещения» (1854, ч. LXXXIV, отд. VII, с. 91); в последней сообщалось: *Собрание сочинений Пушкина, — появившееся вскоре по кончине его, около пятнадцати лет тому назад, сделалось ныне в продаже весьма редким, и потому нельзя не порадоваться, что представляется случай иметь новое издание сочинений нашего незабвенного Поэта, стяжавшего произведениями своими столь заслуженную славу*; при этом давалась информация об анненковском издании, извлеченная из объявления о нем. В упомянутой статье «Современника» читаем следующее:

«Современник», для которого не может не быть дорога память незабвенного его основателя, неоднократно сетовал, что «Сочинения Пушкина» изданы у нас в разгонистых одиннадцати томах, с опечатками, без хронологической или какой-нибудь другой системы, без необходимых примечаний и, наконец, без биографии Пушкина, о которой до настоящего времени публика знает менее, чем об ином обыкновенном авторе, беседующем с читателями о самом себе в своих статейках. К этим сетованиям в последнее время можно было присоединить еще, что каково бы ни было издание Пушкина, но уж и его *в продаже по обыкновенной цене не имеется*, и вся вновь прибывающая масса читателей или должна обходиться без Пушкина, или платить за издание баснословную цену, именно: от тридцати пяти до сорока рублей серебром за экземпляр! По всем этим и еще по многим другим, понятным русскому читателю причинам, мы чувствуем неизъяснимое удовольствие,

¹ В том тексте, который приведен выше, по рукописи Павлищева.

² он говорит: «Ваш муж настоял на публикации в „Москвитянин“ совершенно неуместного и несправедливого высказывания о Бартеневе — благодарю вас обоих за то, что вы в вашем возрасте не умеете вежливо обращаться со старыми друзьями!!! <...> особенно со мной (франц.).»

имея наконец возможность объявить, что в скором времени Россия будет иметь новое, как мы надеемся — прекрасное издание сочинений своего национального поэта. Нынешний издатель Пушкина *литератор* — и, следовательно, понимает свое дело и всю важность моральной ответственности за выполнение его перед всеми образованными русскими; поэтому должны думать, что он сделает все, что только будет возможно, чтоб сообщить изданию полноту, отчетливость и все качества, придающие подобному труду характер строго-классический. Мы слышали, что издание расположено в хронологическом порядке, проверено с прежними изданиями и подлинными рукописями Пушкина, снабжено необходимыми примечаниями и, наконец, дополнено новыми стихотворениями, которые посчастливилось издателю найти в бумагах поэта и которые, таким образом, явятся в издании г. Анненкова *в первый раз* в печати. Равным образом собрано и включено в состав издания все, что было обнародовано из произведений Пушкина, по выходе одиннадцати томов его «Сочинений». Наконец, к изданию приложена будет подробная биография Пушкина, богатая новыми и любопытными фактами, материалом для которой послужили бумаги самого поэта, письма его к разным лицам, записки о нем брата его Льва Сергеевича и других лиц, близких Пушкину. Имея в руках *так* изданного Пушкина, читая его биографию (которая одна составит значительный том), где рядом с фактами жизни прослежены многие любопытные особенности его творчества, присматриваясь к почерку поэта, к его портрету, к рисункам, которые он иногда рисовал на полях своих рукописей (что все войдет в издание г. Анненкова), читатель получит возможность как бы перенестись в мастерскую великого поэта, из которой вышли бессмертные создания его гения. Вот какого издания «Сочинений Пушкина» давно и горячо желал «Современник»! И мы уверены, что наше желание разделяла вся читающая Россия. Кажется, нет причины сомневаться, чтоб все сказанное нами не осуществилось именно так, как здесь сказано. Издатель приступил уже к печатанию «Сочинений Пушкина». Все издание будет состоять из шести или семи томов (смотря по тому, как удобнее будет разместить) и будет стоить, вместе с биографией и другими приложениями, 15 рублей серебром с пересылкою, а без пересылки 12. Первые *три* тома издатель обещает в марте 1855, остальные в течение лета того же года. За дальнейшими подробностями адресуем читателей к объявлению г. Анненкова, которое должно вскоре появиться в свет¹.

6 января 1855 г. Плетнев в письме к кн. П. А. Вяземскому писал: «Про биографию Пушкина, составленную Анненковым, вы, конечно, уже слышали. Она содержит в себе столько подробностей, что из нее одной выйдет том...»² — а 12 января Некрасов просил Анненкова:

¹ Современник. 1854. Т. 48. Отд. 5. С. 119—121. Об объявлении этом см. выше.

² Плетнев П. А. Соч. и переписка. Т. 3. С. 418.

«Принесите мне завтра полный экземпляр биографии Пушкина, — я начну о ней писать...»¹ К этому дню, очевидно, книга еще не вышла в свет, но уже несколько дней она была в руках читателей, с нетерпением ожидающих нового издания Пушкина. Успех его, как выяснилось сразу, был блестящий и прочный — общество приняло его с восторгом. Семнадцатого февраля Анненков угощал своих друзей обедом по поводу выхода двух первых томов своего труда².

Несколько отзывов современников покажут их отношение к изданию Анненкова. М. Н. Катков 6 апреля 1855 г. писал редактору, благодаря его за «драгоценный подарок»: «Труд ваш истинно почтенный. Ваши замечания и взгляды, проблескивающие в биографических материалах и комментарии, прекрасны... Успех издания несомненен»³. В то же время, предваряя своею заметкою статью об издании Анненкова К. Н. Бестужева-Рюмина, Катков писал: «Предприятие это есть событие важное в нашей литературе. Мы уверены, что новое издание Пушкина будет иметь благотворное влияние на умственную производительность у нас. Честь и слава даровитому издателю! Сколько усилий, сколько трудов, сколько кропотливых разысканий и притом — сколько свежих и остроумных мыслей, высказанных им в биографии нашего славного поэта!..»⁴ В. С. Аксакова, читая с отцом, С. Т. Аксаковым, издание Анненкова, отметила в дневнике своем: «Продолжаем читать Пушкина; замечательного, любопытного чрезвычайно много...»⁵ Герцен, познакомившись с изданием, назвал его «полным и превосходным»⁶.

«Я чрезвычайно доволен новым Пушкиным, — писал С. А. Соболевский М. Н. Лонгинову по получении I и II томов издания Анненкова. — Не могу не радоваться тому усердию, с которым Анненков изучил своего Автора в печати и рукописях... Умно уже и то, что Анненков назвал это: *материалами*... Труд Анненкова *прекрасен*, особенно если вспомнить все трудности, с которыми следовало ему бороться, чтобы, и вне интимности, *высказать* многое, особенно

¹ П. В. Анненков и его друзья. Т. 1. С. 635.

² Гутьяр Н. М. Хронологическая канва для биографии Тургенева // Сборник русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1910. Т. 87. № 2.

³ П. В. Анненков и его друзья. Т. 1. С. 493.

⁴ Московские ведомости. 1855. № 42.

⁵ Аксакова В. С. Дневник / Ред. и примеч. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб., 1913.

⁶ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1919. Т. 8. С. 268; ср.: Там же. С. 232, 279, 281, 292, 301.

если вспомнить, что он должен был решиться сказать несколько глупостей в виде пачпорта истине¹. Другая уловка: сообщить публике неконченное, не доделанное или исключенное так, чтобы оно не пропало и чтобы, однако же, не пришлось прибегать к собственному рукоделию, — весьма счастлива... Благодарю Анненкова 1) за приличный и благородный тон его труда; 2) за отсутствие возгласов и хвалебных эпитетов, знаков восклицания и других типографских прикрас (NB Это было бы приятно Пушкину самому, любившему во всем приличие и порядность); 3) за то, что он не восхищается эпиграммами Пушкина, приписывает их слабости, сродной со всем человеческим, и признает их пятнами его литературной славы (*c'est le premier biographe qui ait osé dire celà de son héros, que je sache*)... Что он ни слова не упоминает о Гавриилиаде...»³

Очень доволен был биографией Пушкина и Погодин; это видно из дневника его. «Читал Пушкина и приписывал, что помнил. Был очень рад», — записал он 31 января 1855 г., а на другой день отмечал: «Все утро с великим удовольствием за биографией Пушкина; вспоминал и плакал»⁴. Написал он и Анненкову письмо с похвалой его труду; благодаря Погодина за это «доброе слово», Анненков писал ему с некоторым упреком:

«Если бы вы исполнили намерение свое изложить письменно свои заметки, впечатления, опровержения и дополнения — вы дали бы драгоценнейший документ к *жизненной* стороне биографии. Что в молодости и в кончине есть пропуски, — не удивляйтесь. Многое даже из того, что уже напечатано и известно публике, не вошло и отдано в жертву, для того, чтобы, по крайней мере, внутреннюю, творческую жизнь поэта сберечь всю целиком. И она, благодаря благороднейшему нашему министру и содействию умного Л. В. Дубельта, — сбережена по возможности. Пропать, однако ж, она — эта жизненная сторона — не может совсем; есть и у меня кой-что, но еще более есть у вас. Напишите же, сообщите, разъясните облик поэта в тех местах, где он скучен в биографии или где не дописан или криво написан. Во всяком случае, одобрение, выраженное вами, сказать без фразы, дало мне веру в мою работу. Всякий будет зани-

¹ Намек на цензурные хитрости Анненкова.

² Это первый биограф из тех, кого я знаю, который посмел сказать подобное о своем герое (*франц.*).

³ Пушкин и его современники. Л., 1927. Вып. 31—32. С. 37—39.

⁴ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 14. С. 170.

мателен, когда заговорит о таком человеке, как он; но если очевидец и приятель скажет: похоже, — это уже другое дело»¹.

Зять Пушкина, Н. И. Павлищев, писал Анненкову из Варшавы 3 (15) марта 1855 г., по получении «Материалов» и II тома Сочинений.

Милостивый Государь Павел Васильевич.

Я не мог оторваться от первого тома Вашего издания сочинений Пушкина: так увлекательно сказание Ваше о жизни Пушкина под скромным названием *материалов*. Примите же самую теплую благодарность мою за доставление первых двух томов; продолжения ожидаю не один я, — ожидает вся читающая Русь.

При засвидетельствовании душевного почтения Ивану Васильевичу, искренно желаю, чтобы помнили и любили вашего покорнейшего слугу Н. Павлищева².

Высокого мнения об издании Анненкова был и друг Пушкина — И. И. Пущин, который выразился, что Анненков «запечатлел свой труд необыкновенною изыскательностью, полным знанием дела и горячею любовью к Пушкину — поэту и человеку»³.

Наконец, показателем единодушно восторженного отношения к труду Анненкова служит и тот факт, что друзья издателя чествовали его по случаю выхода в свет первого тома Сочинений торжественным обедом, состоявшимся 17 февраля 1855 г.⁴, затем поднесли ему экземпляр этого тома в хорошем шагреновом переплете, с надписью на первом белом листе книги: «Автору образцовой биографии Пушкина и добросовестному издателю сочинений великого нашего поэта — Павлу Васильевичу Анненкову — от его литературных друзей и знакомых в память обеда 17 февраля 1855 года» — и с подписями: «Иван Тургенев, Иван Панаев, Василий Боткин, Ник. Некрасов, Александр Дружинин, Мих. Михайлов, Михаил Авдеев, Алексей Писемский, А. Майков, Г. Геннади, В. Гаевский, Е. Корш, М. Языков, А. Жемчужников, гр. Алексей Толстой, Арапетов, Н. Гербель, Я. Полонский»⁵.

¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 14. С. 170—171.

² По черновому письму, находящемуся в нашем собрании*.

³ Майков Л. Н. Пушкин. С. 56—57.

⁴ Обед пришелся накануне смерти Николая I.

⁵ Книга эта в 1907 г. хранилась в библиотеке Анненкова — в селе Чирькове (см.: Исторический вестник. 1907. № 8. С. 512)**.

Отзывы критики были также единогласно благоприятны для Анненкова. Приведем из этих отзывов некоторые, в отрывках и в тех частях, которые обрисовывают взгляды современников Анненкова на задачи биографа и издателя сочинений Пушкина.

Критик «Современника», говоря о «Материалах», писал: «Это первый труд, который надлежащим образом удовлетворяет столь сильно развившемуся в последнее время стремлению русской публики познакомиться с личностями деятелей русской литературы... Творения Пушкина, создавшие новую русскую литературу, образовавшие новую русскую публику, будут жить вечно, и вместе с ними незабвенною навеки останется личность Пушкина. Важный труд, который знакомит нас с нею, представляется г. Анненковым в совершенно обработанной литературной форме. Кропотливая мелочная работа сличений и поисков, ему предшествовавшая, не выставляется на первом плане, затемняя для читателя черты великого писателя и его трудов; исследователь дает нам завершенную картину жизни и творчества Пушкина...»¹ В другом месте тот же критик писал о том, «как много новых и чрезвычайно важных данных заключается в „Материалах“, с добросовестною неутомимостью собранных г. Анненковым, как внимательно и проникательно г. Анненков старался объяснить нам личность великого нашего поэта, как основательно и осмотрительно он разгадывает черты его характера»².

В «Отечественных записках», в отзыве В. П. Гаевского, читаем: «Если „Материалы“ г. Анненкова не представляют полного собрания всех напечатанных материалов и указаний для биографии поэта, зато они представляют много неизданного, в высшей степени любопытного и проливающего совершенно новый свет на жизнь и деятельность Пушкина. Вообще, немногие из биографов имели возможность пользоваться для своего труда такими богатыми данными, как г. Анненков, и потому необыкновенный интерес и совершенная новизна нескольких страниц „Материалов“ вполне выкупают некоторую неполноту их в библиографическом отношении». Особенно подчеркивал В. П. Гаевский у Анненкова «новость фактов, поражающую внимание читателя во многих местах биографии»³.

¹ Современник. 1855. Т. 49. Отд. III. С. 31—32*.

² Там же. Т. 50. Отд. III. С. 1.

³ Отечественные записки. 1855. Т. 100. Отд. III. С. 41.

А. В. Дружинин в «Библиотеке для чтения» поместил восторженный отзыв о «Материалах» Анненкова, составленных, по его мнению, «с редким талантом и с редкою проницательностью»¹.

«Библиографический труд нашего издателя всеми встречен с заслуженным одобрением», — свидетельствует тот же Дружинин в отзыве о III и V томах сочинений², но замечает при этом, что «честный и благородный труд г. Анненкова должен служить только *началом* других трудов о том же предмете и сам г. Анненков хорошо сделает, если будет продолжать, в каком угодно виде, свои исследования о жизни, характере, мнениях и занятиях усопшего поэта. Еще не все факты, ему известные и им собранные, вошли в состав „Материалов“, еще далеко не все источники им исчерпаны. Стоит подумать о том, что еще может быть рассказано читателю о жизни Пушкина. Кто из наших литераторов своим глазом видел село Михайловское или село Болдино, имена которых навеки должны остаться в русской словесности? Если люди имеют у себя в кабинете виды Нюстидского аббатства и заезжают в Шотландию для того, чтобы пройтись по залам Абботсфордского замка, то как же нам не знать вида, местоположения, физиономии уголков России, посреди которых создавались „Онегин“, „Русалка“, „Медный всадник“, „Цыгане“? Раз коснувшись деревенской жизни Пушкина, мы должны сказать, что окрестности Михайловского до сих пор наполнены имениями, которых помещики, люди весьма образованные, лично знали поэта, видались с ним беспрестанно и в настоящую пору, без сомнения, могут доставить приезжему исследователю десятки любопытных подробностей про жизнь, привычки и беседы Александра Сергееча. В Петербурге и Москве равным образом можно насчитать несколько искренних друзей покойного, его родственников, его лицейских товарищей, которым дороги слова поэта, любезно его имя. Кто из названных нами лиц найдет неуместными расспросы биографа или не сделает всего, что от него зависеть будет, для облегчения трудной задачи? Нам самим приходилось не раз беседовать с людьми, пользовавшимися дружбой Александра Сергеевича, и мы можем сказать с полной уверенностью, что с их стороны сам назойливый Босвелль (если б предположить его существование в наши дни) не встретит ни осуждения, ни холодности. Для всех дорога память поэта, но из

¹ Библиотека для чтения. 1855. Т. 130. № 3. Отд. VI. С. 41; подпись: Д.

² Там же. № 5. Отд. VI. С. 6.

этого не следует, чтоб новые о нем сведения приходили к биографу сами, без хлопот, разъездов, новых знакомств и просьб всякого рода. Иначе и быть не может — приготовительный труд разве когда-нибудь бывает легок? Знакомившись с местами, в которых жил Пушкин, и собрав запас характеристических сведений о его жизни и привычках, биограф должен будет приступить к занятию, весьма не легкому и у нас еще новому, именно к сохранению *bеседы* (*table-talk*) покойного поэта, насколько оно будет возможно. Нельзя думать, чтоб из значительного числа особ, близко знавших Пушкина, не нашлось ни одной, запомнившей некоторые речи Александра Сергеевича и способной передать их с некоторой верностью. Автор „Онегина“ обладал замечательным разговорным талантом, был жив и остер в беседе; сверх всего этого он мог назваться любимейшим писателем своего времени, оттого его речи не могли выслушиваться без внимания и скоро забываться. Конечно, если биограф захочет бесед, словно записанных стенографом, он ошибется в своих изысканиях, но ему надо помнить, что в беседах важен *дух* речи, а не ее буквальная верность истине. Мур не записывал своих разговоров с Байроном, сам Босвель, конечно, передает нам беседы Джонсона не с полной верностью, — но тот и другой выполнили свою задачу прекрасно. До сих пор в свете ходят остроумные шутки Пушкина, его саркастические отзывы о том или другом из знакомых людей (имен нам не нужно, и биографу нечего о том думать), с помощью некоторых усилий эти *disjecta membra poëtae* могут быть приведены в систему и спасены от всепоглощающей реки забвения. Для того, чтоб с успехом трудиться по части сохранения свету частных бесед Пушкина, биограф должен соединять большую неутомимость с не меньшей изобретательностью. Он должен помогать лицам, от которых добывается сведений, и, облегчая их занятия, водворять порядок в массе собственных приобретений. Тут не мешает иметь своего рода систему, равно полезную и для самого биографа, и для того лица, которое сообщает ему свои личные воспоминания. Положим, например, что мы собираем сведения о беседах Пушкина и для этой цели сошлись с человеком, имевшим наслаждение часто с ним разговаривать. Если обе стороны при свидании захотят кончить все дело разом, в какой-нибудь час времени наговорившись о поэте и разговорах его, — ничего дельного не выйдет из подобного свидания. Годы прошли даром, впечатления утратили свою свежесть, наконец, самое занятие (воспоминание о частном разговоре за столько

лет назад), на первый раз, кажется таким странным занятием! Но положим, что и мы, и лицо, желающее дать нам нужные сведения, приступаем к делу не торопясь, помогая друг другу, — насколько будет облегчено общее дело! Мы условливаемся в самой *методе* рассказов и таким образом создаем вокруг себя некоторый порядок. Беседы с Пушкиным, о которых идет здесь речь, относятся, например, к 18** году, происходили они в Петербурге, осенью. О чем говорили в Петербурге в 18** году? чем Пушкин занимался в это время? какие дела сближали его с нашим теперешним собеседником? в чьем доме они видались и в их беседах участвовали еще какие лица? Как отзывался поэт о предметах, составляющих обычную тему городских разговоров, как судил он о музыке и театре, о семейной жизни, о деревенских занятиях, „о Шиллере, о славе, о любви“, говоря его словами? После таких вопросов самый рассеянный человек почувствует свою память хотя немного освеженною. Далее: в том году, о котором идет речь, печаталось ли что-нибудь замечательное в русской литературе? не предпринимал ли поэт какого-нибудь занятия? не происходило ли в его жизни каких-либо перемен? Лишним считаем выписывать здесь ряды вопросов, из которых каждый может навести рассказчика на забытую мысль, фразу, особенно меткое выражение, на отзыв, на предмет беседы за целый вечер...»¹

«Теперь, когда издание г. Анненкова опять обратило глаза всей просвещенной России на поэта, дорогого ее сердцу, — теперь, говорим мы, надо торопиться говорить о Пушкине, надо делать исследования о жизни Пушкина. Поспешим же сохранить то, что может быть сохраненным. Поспешим от души попросить каждого из бывших сверстников и товарищей поэта набросать свои о нем заметки и сохранить свой труд для будущих биографов. Время не ждет никого, годы идут своей чередой, унося прошлое, гася воспоминания, изменяя самый вид мест и людей. Мы слышали, что село Михайловское уже во многом утратило физиономию, которую оно имело во время Пушкина; а мы еще не имеем ни описания Михайловского, ни рисунков дома, в котором обитал первый из певцов русских. Пройдут еще года и последуют еще перемены. Всепоглощающая река забвения нахлынет на воспоминания о частной жизни Александра Сергеевича, — и труд самого искусного биографа сделается невозможностью. Трудитесь же, почтенные любители русского

¹ Библиотека для чтения. 1855. Т. 131. Отд. VI. С. 11—14.

слова, не откладывайте предприятий ваших! Почтимте память поэта, доставившего нам столько наслаждений, и честным трудом нашим постараемся заслужить благодарное слово от будущих поколений!»¹

Таковы были главнейшие отзывы печати, и недаром наиболее крупный из преемников Анненкова в работах по Пушкину и живой свидетель времени появления в 1855 г. сочинений поэта под редакцией Анненкова — Л. Н. Майков уже на склоне дней вспоминал о том «сильном впечатлении, которое произвело в обществе и особенно — в литературных кругах» это издание. «Среди однообразия тогдашней литературы какую свежестью пахнуло от этих красиво напечатанных страниц, на которых читатели, рядом с давно знакомыми и давно любимыми произведениями славного поэта, встретили новые, дотоле неизвестные в печати откровения его музыки и затерянные в старых журналах яркие блески его гениального дарования и могучего ума! Какою драгоценностью казались сведения о жизни и творчестве Пушкина, собранные во введении, которое автор-издатель скромно назвал „Материалами“ для биографии поэта! Что издание Анненкова не вполне исчерпало литературное наследие, уцелевшее в бумагах Пушкина, — об этом стало известно очень скоро, и сам издатель поспешил пополнить по возможности пробелы своего труда, выпустив в 1857 году седьмой, дополнительный том к шести, изданным за два года перед тем. Но сила впечатления, произведенного изданием, зависела не от новых дополнений, а от того, что в труде Анненкова создания поэта являлись впервые в исправном, не испорченном опечатками тексте, расположенные в правильном хронологическом порядке и умно объясненные трудолюбивым и внимательным биографом. На читателя благотворно действовало то благоговение, с которым издатель относился к своему делу. Если за Белинским остается заслуга первой критической оценки Пушкина в связи с общим развитием новой русской литературы, то прекрасное начало научному истолкованию художественной деятельности поэта в связи с событиями его жизни положено было, без сомнения, П. В. Анненковым»².

Когда, два года спустя после выхода I—VI томов сочинений, Анненков, пользуясь наступившею большею свободой цензуры, выпустил VII, дополнительный том своего издания, — снова раздался

¹ Библиотека для чтения. 1855. Т. 131. Отд. VI. С. 14.

² Майков Л. Н. Пушкин. С. 318—319.

целый хор хвалебных отзывов, в которых давалась и общая оценка всего труда. Так, мы уже приводили выше восторженный отзыв такого осведомленного знатока дела, как библиограф М. Н. Лонгинов¹; так, А. В. Станкевич в журнале «Атеней» писал: «П. В. Анненков положил прочные основания биографии Пушкина, он сделал все, что было в его власти, все, что мог он сделать в данное время и при данных материалах, указаниях и сведениях о поэте». Но, прибавлял он, «сколько вопросов относительно деятельности и жизни Пушкина пробуждает биограф прекрасным трудом своим, вопросов, на которые до сих пор не может быть ответа! Личность, жизнь и деятельность нашего поэта будут тогда только вполне ясны и вполне понятны, когда все подробности, касающиеся их, будут обнародованы теми, кто имеет на это возможность и право. Пора являться в печати подлинным письмам Пушкина, подробным заметкам и воспоминаниям о нем и обо всех обстоятельствах его жизни, со стороны лиц, имеющих что-либо сообщать в этом отношении. Это — долг последних русской литературе и русскому обществу. Выскажем желание, чтобы срок уплаты по этому долгу не отдался произвольно на неопределенные времена. В конце седьмого и последнего тома сочинений Пушкина приложены издателем алфавитные указатели стихотворных и прозаических произведений, а также подробный указатель к материалам для биографии Пушкина, помещенным в первом томе издания. *Все это сделано с такою тщательностию и представляет читателю такие удобства, к которым мы до сих пор не приучены русскими изданиями*»².

В «Библиотеке для чтения», в рецензии И. Л., говорилось по поводу «Материалов» Анненкова, что издатель, «не позволяя себе ни одного хоть сколько-нибудь гадательного положения и основываясь везде на тщательном изучении предмета, на фактах и самой строгой, ученой их проверке, скуп на выводы и приговоры, но зато выведенные им положения драгоценны, как твердые и точные определения науки...»³.

Один из лучших пушкинистов той эпохи, Е. И. Якушкин, в 1858 г. также писал, что «издание г. Анненкова во многих отношениях может быть названо образцовым. На это название дают ему

¹ См. выше, с. 439.

² Атеней. 1858. Ч. 1. С. 83. Курсив наш. — Б. М.

³ Библиотека для чтения. 1858. № 2. С. 45.

право: система, принятая издателем, многочисленные примечания и превосходно составленные материалы для биографии поэта, которые, при всей неполноте своей, могут по справедливости считаться лучшим биографическим трудом в русской литературе»¹. Последующие редакторы Сочинений Пушкина — Г. Н. Геннади и Н. В. Гербель — широко пользовались изданием Анненкова и не опорочивали его; зато П. А. Ефремов в своем издании 1880 г. сделал, со свойственной ему резкостью и неблагожелательностью, много выпадов против Анненкова, находившегося тогда еще в живых². По поводу ожесточенных полемических нападок Ефремова Анненков дал горькую, но справедливую отповедь в специальной статье об издании самого Ефремова, напечатанной в «Вестнике Европы» (1881, № 2)³.

Немного позднее строю критиковал издание Анненкова и В. Е. Якушкин, считавший, что Анненков «пренебрег значительною, *большую* частью бывшего у него в руках материала»⁴. Упреки эти поддерживал и цитованный выше Венгеров, говоривший, что Анненков в отношении пушкинских текстов сделал далеко не все, что следовало сделать историку литературы и библиографу, которому выпало счастье получить в свое распоряжение такую драгоценность, как бумаги Пушкина⁵, а по поводу «Материалов для биографии» писавший, что это «действительно, одни только „материалы“, в которых лично Анненкову принадлежащее и в количественном и в качественном отношении занимает совершенно второстепенное место. Как сборник документов, выписок из бумаг Пушкина и устных рассказов лиц, знавших поэта, „Материалы“ Анненкова, однако, имели чрезвычайно важное значение в свое время», признается Венгеров. Но если их рассматривать как литературное произведение, то ценность «Материалов», по мнению Венгерова, будто бы «донельзя темно, вяло и малоинтересно написанных», совсем не велика. «Страстная, кипучая натура Пушкина совершенно пропадает в бледном изображении Анненкова, — вместо полной высокого драматиз-

¹ Библиографические записки. 1858. № 10. С. 307.

² Ср. еще такие же выпады Ефремова против Анненкова в «Русской старине» (1880. № 6. С. 320—328).

³ Перепечатана в книге «П. В. Анненков и его друзья» (т. 1, с. 424—447); см. о нападках Ефремова и об этой статье в письмах Анненкова к Стасюлевичу (М. М. Стасюлевич и его современники. СПб., 1912. Т. 3. С. 387—389, 392, 394, 395).

⁴ Русская старина. 1884. № 2. С. 416.

⁵ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь... Т. 1. С. 602

ма картины жизни несчастного поэта получается какой-то ряд сухих справок». Впрочем, Венгеров готов был объяснять последнее обстоятельство причинами, вне автора стоявшими, то есть цензурными условиями времени появления «Материалов»¹, на которые, напомним кстати, указывал и сам Анненков в статье своей «Любопытная тжжба»²).

Подводя итоги литературным заслугам Анненкова в его некрологе, А. Н. Пыпин делал такой вывод об анненковском издании Пушкина: «Предприятие Анненкова было особенно ценно в обстоятельствах, среди которых жила тогда наша литература. Обстоятельства были очень малоблагоприятные. Окруженная тяжелым недоверием и подозрениями, литература едва хранила нить предания сороковых годов, и издание Пушкина приобрело цену нравственного ободрения; это было притом не только напоминание, но в значительной степени и реставрация писателя, который для критики сороковых годов был величайшим явлением русской литературы и залогом ее будущего. Труд Анненкова был первый в своем роде опыт исследования внешней и внутренней биографии писателя, истории его содержания и способов творчества. Позднее, когда подобные изыскания установились и размножился вообще историко-литературный материал, не трудно было указать недосмотры и ошибки в работе Анненкова; забывают только, что в подобных случаях чрезвычайно важно и особенно трудно бывает именно начало. Как притом мудрено было внешнее положение Анненкова в качестве издателя Пушкина, можно видеть из того, что когда по окончании издания наступили более благоприятные цензурные условия, Анненков мог издать в 1857 г. целый дополнительный том»³.

Благоприятен для Анненкова и отзыв современного пушкиноведа Н. О. Лернера, который признает, в свою очередь, что работа Анненкова «не утратила до сих пор своего значения» и что, несмотря на то, что «позднейшая специальная критика обнаружила и до сих пор продолжает обнаруживать много недостатков в его комментаторском, редакторском и биографическом труде, обличая и ошибки в освещении предметов, и шаткость метода, и общую небреж-

¹ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь... Т. 1. С. 604.

² П. В. Анненков и его друзья. Т. 1. С. 397.

³ Вестник Европы. 1882. № 3. С. 303; ср.: Анненков П. В. Литературные воспоминания. СПб., 1909. С. 4—5.

ность, — нельзя не признать, что именно Анненков положил начало наукообразному пушкиноведению» и что его «Материалы для биографии Пушкина» «в некоторых отношениях служат даже первоисточником» и «изучение Пушкина без них немыслимо»¹. Наконец, новейший исследователь *текстов* Пушкина Б. В. Томашевский считает издание 1855—1857 гг. «первым критическим изданием сочинений Пушкина», говоря, что Анненков «основательно изучил библиографию произведений Пушкина и почти все его рукописи», но что, «к сожалению, изучение это шло в процессе издания, в основу же текста легло посмертное издание, к которому Анненков относился с излишней доверчивостью и исправлял лишь самые очевидные промахи» и т. д.²

Выпустив свои «Материалы», Анненков не переставал собирать сведения о Пушкине. Так, например, уже 12 апреля 1856 г. он писал Погодину: «Тот же неотвязчивый проситель, которого вы видели в Москве, снова прибегает к вам. Дело все о Пушкине. Ради Бога, отверзите руку вашу, соберите материалы ваши и пособите ему! Время все идет: вот уже весна на дворе и весна в обществе³. Я считаю обязанностью моею перед публикой договорить начатую речь о Пушкине, когда речь начинает бежать вообще из-под льда со всех сторон. А как заговорить без вашей помощи? Я буду в Москве на Фоминой неделе, проездом, и постучусь у вашей двери. Впустите меня! Если вы дадите мне тогда кусок *живого хлеба*, я увезу его в деревню и потружусь над ним. Обстоятельства у нас переменчивы. Кто не торопится сказать того, что сказать имеет, тот, может быть, и не скажет уж ничего. Сколько у нас таких молчаливых, пропустивших свою очередь слова, — сами знаете. Будьте же добры ко мне и разрешите мне слово: это от вас зависит»⁴.

Но Погодин, по-видимому, так и не собрался написать для Анненкова просимые им записки о Пушкине*. Зато в 1857 г., при содействии Л. Н. Толстого, Анненков получил замечательные записки М. И. Пущина о встрече с Пушкиным на Кавказе в 1829 г.⁵ На этом, однако, поскольку мы знаем, работы Анненкова по собиранию

¹ Новый энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона. Т. 2. Стб. 918—919.

² Томашевский Б. В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 20—21.

³ Намек на либеральные веяния начала царствования Александра II.

⁴ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 14. С. 171.

⁵ Майков Л. Н. Пушкин. С. 386—387.

материалов о Пушкине прекратились, — и все последующие статьи его, касавшиеся Пушкина, были написаны уже по ранее собранным данным, ни одной публикации новых материалов, — которых, конечно, он мог бы разыскать немало, — он не сделал. Печатаемые ниже материалы представляют собою часть того, что накопилось в рабочем портфеле Анненкова в период его работ над Пушкиным в 1850—1854 гг.; это, конечно, не все, что было в бумагах Анненкова, — но все, что из них перешло в Пушкинский Дом; некоторая часть тех же материалов хранится ныне в бумагах Л. Н. Майкова в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук, небольшая часть приобретена была П. Е. Щеголевым в 1923 г. у одного букиниста и готовится им к изданию.

Материалы Пушкинского Дома мы разделим на пятнадцать групп, сообразно отдельным листам рукописей Анненкова, писанных в разное время, по разным поводам¹.

ИЗ ЧЕРНОВЫХ ЗАМЕТОК П. В. АННЕНКОВА ДЛЯ БИОГРАФИИ ПУШКИНА

I

От Сабурова (Якова Ивановича)

1) Каверин, сын сенатора, образованный человек, воспитывавшийся в Геттингене, красавец собой, богатый; он, по словам Сабурова, лечился от французской болезни холодным шампанским, вместо чаю выпивал с хлебом бутылку рому и после обеда, вместо кофею, — бутылку коньяку, но был остроумен, и любезен, и блестящ. Гусар.

2) *Молоствов**, широкоплечий гусар, был просто пьяница горький и буйный, но умный. Цинизм времени выразился в нем шуткой: «лучшая женщина есть мальчик и лучшее вино — водка».

3) Чаадаев, воспитанный теткой Шаховской превосходно, но по одному французскому манеру, но и по-английски, был уже 26-ти лет, богат и знал 4 языка. Влияние на Пушкина было изумительно. Он заставлял его мыслить. Французское воспитание нашло противодействие в Чаадаеве (сперва гусарском офицере, потом адъютанте И. В. Васильчикова), который уже знал Лока [?] и легкомыслие заменял исследованием. Чаадаев был тогда умен; он думал о том, о чем никогда не думал Пушкин. Сабуров рассказывает, что Пушкин, восхищавшийся Державиным, встретил у Чаадаева опровержение, а именно за неточность изображений. Пример был «Пут-

¹ 15-ю группу составляют выдержки из переписки братьев И. В., Ф. В. и П. В. Анненковых, относящиеся к изданию Пушкина.

ник» Державина: «Луна светит, сквозь мрак ужасный едет в челноке»*. Чаадаев был критик <?> тогда. Взгляд его на жизнь был серьезен. Он поворотил его на мысль. Пушкин считал себя обязанным и покидал свои дурачества в доме Чаадаева, который жил тогда в Демутовом трактире. Он беседовал с ним серьезно.

4) Об оде на свободу. Александр ее знал, но не нашел в ней поводов к наказанию. Между прочим ода, как говорили тогда, была подсказана Пушкину Н. И. Тургеневым. Александр <Тургенев>, между прочим, был владыкою Синода при Голицыне и старался сообщить лютеранско-мистическое направление духовенству. Когда невежественная часть духовенства свергла Голицына, князь остался министром (почт-директором), а Тургенев очутился брошенным. Дело о ссылке Пушкина началось особенно по настоянию Аракчеева и было рассматриваемо в Госуд. Совете, как говорят. Милорадович призывал Пушкина и велел ему объявить, которые стихи ему принадлежат, а которые нет. Он отказался от многих своих стихов тогда и между прочим от эпитафии на Аракчеева, зная, откуда идет удар.

II

От Данзаса

Генеральша Гартунг¹ в Кишиневе, дочь Стурдзы, господаря, и первая жена Гики, сын которого недавно был господарем, жила в разводе с мужем и не отличалась строгим поведением. У ней-то жила гречанка, о которой Пушкин писал в стихах. Гартунг приняла раз самого Данзаса в ванне. О еврейке, о которой часто упоминает Пушкин, он говорил, что это должна быть дочь одной из двух хозяек-жидовок, содержавших два трактира в Кишиневе. Она была недурна, но коса. Липранди часто бывал с Пушкиным — он был тогда подполковником Генерального Штаба, потерял жену-француженку и выстроил ей богатую часовню, в которой часто уединялся. Он жил богато. Из знакомых Пушкина — Давыдовы важную роль играли. Один, женатый на Орловой (теперь Давыдов-Орлов)², другой — сосланный в Сибирь и умный в семействе, третий — обжора, женатый на герцогине Грамон, вышедшей после его смерти замуж за известного маршала Себастьяни. Дочь ее от Давыдова — Адель, к которой написаны стихи, кажется жива: она сделалась католичкой и живет монахиней в Sacré-Coeur в Париже. Сын ее от Давыдова — служил в кавалергардах. У Раевских было большое родство. Катер. Раевская вышла за Михайла Орлова, она называлась в Кишиневе за либерализм свой Марфой Посадницей; другая — за Волконского, с которым последовала в Сибирь. Сестра Раевского была за Бороздиным и

¹ Читай: Гартинг.

² Петр Львович; сын его, Владимир Петрович, — с 1856 г. граф Орлов-Давыдов (1809—1882). — *Ред.* (1929).

тоже не отличалась добродетелью¹. Одна из трех дочерей ее показала себя Пушкину в наготе, кажется, при купании. Любопытно, что одна из молодых Бороздиных вышла замуж за Поджио, другая за Лихарева, сосланных в Сибирь, но они не последовали за мужьями, а, напротив, вышли замуж в Одессе, не помню за кого, от живых мужей, потерявших свои права. В Москве в 29 году Пушкин волочился за Зубковой, прикинувшись, что влюблен в сестру ее Пушкину, которая сделалась потом Паниной. К ней стихи: «Не Агат в ее глазах». Эти урожденные Пушкины были сироты и воспитывались у Апраксиной, сестры Д. В. Голицына и сестры Кочубей и Строгановой, тоже Голицыных. В Кишиневе, в билиярде кофейной Фукса, Алекс. Серг. смеялся над Ф. Орловым, тот выкинул его из окошка; Пушкин вбежал опять в билиярд, схватил шар и пустил в Орлова, которому попал в плечо. Орлов бросился на него с кием, но Пушкин выставил два пистолета и сказал: «Убью». Орлов струсил.

III

Пушкин два раза уезжал в деревню из Москвы в 1826 и 1827 году, и всё осенью. По прибытии в Москву хотел драться с Американцем, потом уехал в деревню, по первопутке прибыл в Москву и остановился у Соболевского. Его кофей с пастилой, майор Носов, знавший бездну прибауток², по ночам просиживали у Марьи Ивановны Корсаковой, когда она спала, стих. тогда к Паниной, *Не агат в ее глазах*³, история с Зуровой. Основание Москов. Вестника, обещание Пушкину 10 т. р., читает Годунова — ничего не пишется <?>. Часто у Зинаиды Волк<онской> бывает. Переехал в Петерб. и остановился у Демута в трактире.

Ревизор — случай с Пушк. в Нижнем и у Перовского.

Мертвые души — г. Павлов.

IV

Енгельгард — Егор Антонович.

Гауеншильд.

Малиновский умер 1812, и 3 года Лицей был без директора.

Юрий Алекс. Нелединский-Мелецкий.

Теппер.

В лицее журналы: Лицейский Мудрец, Для удовольствия и пользы, Непытное перо, Пловцы.

Общие рассказы посетителей, где были раз. Метель и Выстрел.

¹ Софья Львовна, рожд. Давыдова, сестра Раевского по матери. — *Ред. (1929)*.

² В «Московском Некрополе» находим майора Алексея Гавриловича Носова, умершего 13 июня 1844 г.

³ Т. е. стих «Нет, не черкешенка она...».

За второе издание Руслана и Кавказ. Плен. Смирдин заплатил 7 т. р. ас. и продал.

За Бахчисарайск. Фонтан 3 т. р. первое издание.

За Братьев-разбойников 1500 р.

За полного Онегина 12 т.

Потом платил Смирдин по 11 р. за стих и 1000 заплатил за Гусара. — Смирдин предлагал 2000 в год Пушкину, лишь бы писал что хотел.

Всё издание мелких стих. куплено за 12 т. р.

Лизка Шот Шедель — блядь, которой выздоровление¹.

Наташа — Актриса Толстого, которой Наташе².

Надинька Форст — образованная блядь.

Ольга Массон.

К Самойлову.

В Домике в Коломне о г-же Зуровой, по первому мужу Стайновская³.

Татьяна городская — со Строгоновой, урожд. Кочубей.

Жаркая история с женой Австр. Посланника⁴.

Каменка, Алекс. Львовича Давыдова, который тоже и философ, сослан в Сибирь, как Декабрист.

Андрей Петр. Есаулов.

Нет не Черкешенка — Паниной, урожденной Пушкиной, в которую он был влюблен, а по другим в сестру ее Зубкову, с которой через нее хотел (*нрзб*).

О сцене свидания у Фонтана в Годунове, что написана после возвращения верхом из Тригорского и которая будто была лучше той, которую написал недели три спустя (И тайные мечты обдумывать люблю).

В Лицее свободно курили, а в библиотеке книги с отметками императора, — губернёр Чириков р..... (*нрзб*) рассказы.

Был суверен Пушкин, и Нащокин заказал кольцо с бирюзой от насильственной смерти, которое его не спасло.

Гекерен был педераст, ревновал Дантеса и потому хотел поссорить его с семейством Пушкина. Отсюда письма анонимные и его сводничество.

¹ Т. е. стих. 1818 г. «Выздоровление».

² Т. е. стих. 1816 г. «К Наталье».

³ Т. е. графиня Стройновская.

⁴ Т. е. с гр. Д. Ф. Фикельмон. Это упоминание как будто подтверждает справедливость рассказа, записанного П. И. Бартевым и послужившего основанием для статей М. А. Цявловского; ср.: Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартевым. М., 1925.

Мусина-Пушкина, урожд. Урусова, потом Горчакова (посланника), жившая долго в Италии, красавица собою, которая возвратившись сюда, капризничала и раз спросила себе клюквы в большом собрании. Пушкин хотел написать стихи на эту прихоть и начал описанием Италии

Кто знает край

Но клюква, как противоположность, была или забыта, или брошена¹.

Княж. Елена Волконская, потом Хилкова, была в Екатер. институте. Кюхельбекер видел ее там часто благодаря связям и службе матери своей², влюбился в нее и говорил, что ему достаточно и одной любви к ней. Отсюда стих. Мечтателю.

К Всеволожскому, у которого давались пиры под именем Зеленой Лампы.

П. ругал Нессельроде, что она увезла во дворец жену его, говоря: Нечего делать, где меня не принимают, там нельзя и жене быть. Это дошло до Двора, и его сделали камер-юнкером. Жуковский и В. отливали его водой при этом известии. Он хотел просто идти и наговорить царю грубостей. Он говорил также, что три года тому назад Г<осударь?> предлагал ему камергерство, но П. не принял. Он успокоился впоследствии и писал к жене, что Царь не хотел его оскорбить и потому он ему прощает эту шутку над собой.

Импровизация Мицкевича о равенстве народов в Демутове трактире.

С. Л. Пушкин, разъезжающий в карете и выглядывающий из нее, чтоб показать, что у него карета; жена, подличающая перед Архаровой и дарящая А. И. Васильчиковой письмо Пушкина страстное [?], извещающее о помолвке его, мая 1831³.

6 Генваря 1829 г. Пушк. выехал на Кавказ.

Загоскину пишет ответ с Соболевским на 4 страницах.

В (*нрзб*), ему приснились стихи:

Пускай.....

Равно всем общая, как чаша круговая

было (*нрзб*)

Адели — дочери Давыдова.

¹ См. в Альб. Онегина, с. 13.

² Не матери, а сестры Ульяны, которая была шесть лет классной дамой в этом институте.

³ См. его в сообщении М. А. Цявловского (Голос минувшего. 1920—1921. С. 120—121).

V

Из записки Кононова¹

1) Мерзляков — был небольшой ростом, с одутловатым лицом, редко-волосый и небрежен в туалете. Беспечность в характере: кухарка раз отдала колбаснику тетрадку его стихотворений.

2) На Шаликова, бывшего в хороших связях с Борисом Карловичем Бланком, кн. Вяземский при отъезде его из столицы написал эпиграмму, где были стихи:

Прощай, прощай о Бланк дурной,
Единственный читатель мой...

3) Князь Шаховской, толстый, высокий мушина с орлиным носом и в мешковатом фраке, даже в 1829 году говорил, что «История» Карамзина очень плоха. Он, между прочим, за Буянова, где упоминается о его Стерне

Две бляди дюжие сидели, рассуждали
И Стерна нового, как диво, величали.
Прямой талант везде защитников найдет, —

отомстил В. Л. Пушкину, сказав в одном обществе: «Буянов действительно хорош, а остальное все плохо у него. Прибавлю еще жалобу: Надо же мое несчастье, что раз удалось бздуну перднуть — и то на мой счет». Причину вражды к Кар<амзину> со стороны <Шаховского> В. Л. Пушкин объяснял непомещением стихов в журнале за ошибки в версификации.

4) В. Львович в 1829 году был старик чуть двигавшийся от подагры, небольшой ростом, с открытою физиономией, с седыми немногими <?> волосами, веселый, балагур, гастроном, беспутный, как все семейство; он имел огромную библиотеку, в которой стояли книги в три ряда, так что отыскать нужную не было возможности. Между прочим, он умер совсем не так, как рассказывает Бартенев. В 1830 году он уже не мог ходить, лежал на диване и перелистывал Беранжера, которого весьма любил, — и вдруг вздохнул тяжело и умер.

5) Хмельницкий, очень приятной наружности, имел весьма сильные неприятности по службе и был переведен в 1837 году с смоленского губернаторства губернатором в Архангельск. Последние его произведения: Мундир и Мой мячик <?>, которых не знаю, — исполнены желчи. Он был застенчив в обществе и любезен в небольшом кругу.

6) С. Н. Глинка, ходивший в синем или сером фраке и в круглой шляпе, довольно странной формы. Он оставил свое родительское наследство сестре, сам <?> пошел в учителя; участие его в событиях 1812 года. Вот анекдот.

¹ Ср.: Библиографические записки. 1859. № 10.

В 1818 году в Москве он ехал на извозчике и в Иверских воротах встретился с отрядом солдат. Молодой гвар. офицер с обнаженной шпагой сперва яростно кричал на извозчика, потом ударил его шпагою и окровавил. Глинка соскочил с дрожек, узнал фамилию офицера в задней шеренге и прямо отправился к дивизионному командиру, объявляя, что если извозчик не будет удовлетворен, он войдет с просьбой к Государю. Призвав молодого офицера к генералу. Глинка объяснил ему, что он офицер, но извозчик тоже полезен и они друг другом заменены быть не могут. Смущенный офицер попросил извинения у извозчика в своей горячности и дал ему 25 р. Глинка тотчас же стал обнимать его. Замечательно, что офицер сознался, что уже давно серый фрак Глинки возбуждал в нем желание придраться к нему и напасть.

В Смоленске Глинка все знали и уважали. Раз извозчик утащил у него верхний сертук. Он в полицию. В полиции говорят: извольте подать прошение на 50-коп. листе. Как? — возражает: меня же обокрали, да я же и заплачу? Идет на биржу, созывает извозчиков, рассказывает происшествие, называет себя и свой адрес. «Знаем, батюшка вас, Сергей Николаевич», отвечают извозчики, — и на другой день сертук и вора приводят. Последнему С. Н. делает наставление, но тотчас отправляется в отысканном сертуке в полицию, чтобы сказать канцеляристу: полтины я не платил, сертук на мне, а я не полицмейстер.

VI

Дело по просьбе Пушкина о разрешении поездки для лечения

Генерал-губернатор Эстляндии в 1826 г., маркиз Паулучи, обратился к графу Карлу Васильевичу Нессельроде с следующим письмом:

М. Г. мой, Граф Карл Васильевич!

Выключенный из службы Коллежский Секретарь Александр Пушкин, присланный по распоряжению г. Новороссийского Генерал-Губернатора из Одессы в Псковскую Губернию и о подвержении коего надзору Псковского Губернского Начальства Ваше Сиятельство сообщить мне изволили в отношении от 12 июля прошлого 1824 году Высочайшую волю блаженные памяти Государя Императора Александра Павловича, поданным ныне к Псковскому Гражданскому Губернатору на Высочайшее имя прошением, при коем представил свидетельство Псковской Врачебной Управы о болезненном его состоянии и подписку о непринадлежности его к тайным обществам, просит дозволения ехать или в Москву, или С-Петербург, или же в чужие края для излечения болезни.

Усматривая из представляемых ко мне ведомостей о состоящих под надзором полиции проживающих во вверенных главному управлению моему губерниях, что помянутый Пушкин ведет себя хорошо, я побуждаюсь, в ува-

жение приносимого им раскаяния и обязательства никогда не противуречить своим мнением общепринятому порядку¹, препроводить при сем означенное прошение с приложениями к Вашему Сиятельству, покорнейше Вас, Милостивый Государь мой, прося повергнуть оное на Всемилостивейшее Его Императорского Величества воззрение, полагая мнением не позволять Пушкину выезда за границу, и о последующем почтить меня уведомлением Вашим².

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Милостивый Государь мой

Рига
Июля 30-го дня
1826 года
№ 922³

Вашего Сиятельства покорнейший слуга
Маркиз Паулуччи

* * *

Подлинная просьба Пушкина, вся писанная его собственной рукой (на простой бумаге).

Всемилостивейший Государь

<и т. д., — дословно, но без соблюдения некоторых особенностей орфографии Пушкина, как, например: «нешастие», «разкаянием», — напечатано в книге Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 315—316>.

* * *

Подписка, приложенная к просьбе, тоже собственной руки поэта <напечатана там же, стр. 316>.

* * *

Свидетельство, приложенное к просьбе на гербовой бумаге (цена три рубля).

По предложению Его Превосходительства, Господина Псковского Гражданского Губернатора и Кавалера за № 5497 свидетельствован был во Псковской Врачебной Управе Г. Коллежский Секретарь Александр Сергеев сын Пушкин. При сем оказалось, что он действительно имеет на нижних оконечностях, а в особенности на правой голени, повсеместное расширение кровезовратных жил (*Varicositas totius cruris dextri*); от чего Г. Коллежский Секретарь Пушкин затруднен в движении вообще. Во удостоверение сего и

¹ В подлиннике подчеркнуто карандашом, неизвестно чьей рукой (*Примеч. П. В. Анненкова.*)

² Две черты, сделанные в подлиннике тоже карандашом. (*Примеч. П. В. Анненкова.*)

³ По отпуску напечатано в «Русской старине» (1908. № 10. С. 116).

дано сие свидетельство из Псковской Врачебной Управы за надлежащим подписом и с приложением Ее печати. Июля 19-го дня 1826 года.

Инспектор Врачебной Управы *В. Всеволодс*¹

№ 426

Печать черная

VII

Ченстон — поэт 18 столетия, автор идиллий приторных, пользовавшихся успехом, из которых одна школьная учительница имела некоторое достоинство.

VIII

<Переписка о вызове Пушкина в Москву
в сентябре 1826 г.>

Высочайшая резолюция на просьбы <sic> его существует в следующем виде, переписанная неизвестно чьей рукой:

Высочайше повелено Пушкина призвать сюда.

Для сопровождения его командировать фельдъегеря.

Пушкину позволяется ехать в своем экипаже, свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта.

Пушкину прибыть прямо ко мне.

Писать о сем Псковскому Гражданскому Губернатору.

27 Августа.

За тем псковскому губернатору писано:

Дежурство
Главного Штаба
Его Императорского
Величества.

Господину Псковскому Гражданскому Губернатору.

По Канцелярии
Дежурного Генерала.

№ 1432.
31 августа 1826.
В Москве.

По Высочайшему Государя Императора повелению, последовавшему по всеподданнейшей просьбе, прошу покорнейше Ваше Превосходительство находящемуся во вверенной вам губернии 10-го класса Александру Пушкину позволить ему отправиться сюда при посылаемом вместе с сим нарочном фельдъегере.

Г. Пушкин может ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря; по прибытии

¹ Всеволод Иванович Всеволодов (1790—1863). — *Ред.* (1929).

же в Москву имеет явиться прямо к Дежурному Генералу Главного Штаба Его Величества.

Подписал: Начальник Главного Штаба Дибичь.

Скрепил копию: Верно. Правитель Канцелярии Вердеревский.

4-го <сентября> 1826 года псковский гражданский губернатор барон¹ фон Адеркас отвечал за № 188 барону Дибичу, что Пушкин отправляется того же числа вечером.

Пушкина, по назначению барона Дибича, привезли к дежурному генералу, которым тогда был генерал Потапов. Он сей час написал Дибичу официальную записку:

«Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что сей час привезен с фельдъегерем Вельшем, из Пскова, отставной 10-го класса Пушкин, который оставлен мною при Дежурстве впредь до приказа.

Дежурный Генерал *Потапов*

Москва.

8-го сентября 1826»

На этой записке Дибич сделал резолюцию:

«Нужное. 8 сентября Высочайше повелено, чтобы Вы привезли его в Чудов дворец в мои комнаты к 4 часам по полудни».

Наконец, 21 ноября 1826 г. состоялась записка:

«По распоряжению Г. Начальника Главного Штаба Е. И. В. вытребованный из Пскова чиновник 10-го класса Александр Пушкин оставлен в Москве. Правитель Канцелярии *Николаев (?)*»

[Я видел].

Следует сказать, что в начале 1826 года посылался от правительства агент для розысканий о Пушкине, что по близким связям последнего с декабристами весьма понятно². Агент был коллежский советник Бошняк, который в проезд через губер. С.-Петербургскую, Псковскую, Витебскую и Смоленскую собрал несколько сведений о местных, частных злоупотреблениях и представил их в особенной записке. «Предписано было мне не только разыскать касающееся до Пушкина, но и не упускать из вида и прочих случаев, которые могли бы казаться мне не недостойными внимания, почему и излагаю здесь подробный отчет о всем слышанном и замеченном мной в продолжении пути». — Что доносил Бошняк о Пушкине, не мог ни от кого узнать³.

¹ Читай: Борис.

² Пушкин в Александровскую эпоху. С. 320.

³ Теперь это донесение Бошняка известно по статье А. А. Шилова в «Былом» 1918 г., № 22; ср. «Пушкин под тайным надзором», в наст. изд. с. 79—84.

IX

Некоторые подробности о 1829 г.

От Н<атальи> Н<иколаевны>

НВ. Когда в этом году ему отказано было, за молодостию Н. Н., в руке ее, Пушкин уехал на Кавказ, а на возвратном пути только проехал по Никитской, где был дом Гончаровых в Москве, и тотчас же отправился в Маленники к Вульфам, где и были написаны стих. *Зима* и проч. Вольфовы¹ с родственниками жили в трех деревнях Тверской губернии, в недалеком расстоянии, именно в *Павловском*, *Бернове* и *Маленники*. Семейство состояло из Анны Н. Вульф, которая осталась в девках, из Евпраксии Н., которая за Вревским, из Александрины Ивановны Осиповой, которая <зачеркнуто: имела дурную часть: она была замужем за каким-то ремесленником> тоже замужем за кем-то, из (*нрзб*) (кажется, Трувеллер). У них же жила Вельяшева, к которой написаны стихи (Подъезжая под Ижоры).

<...>*

XIII

От Сабурова Я. И.

(еще подробности о времени его)

1) Шереметев волочился за Истоминой, которая жила с Завадовским. Ревность произвела ссору на ужине оргии. Шереметев был убит наповал. Завадовский, брат сенатора и мужа красавицы, отдал своему секунданту Каверину часы, чтобы ничем не быть защищенным, и потом не взял их у Каверина. Это была луковица серебряная, английская, и с ней Каверин тотчас после дуэли приехал к Сабурову, хвастаясь в шутку неожиданным приобретением**.

2) Рылеев был упорный человек и не отступавший перед средствами. Так, он сводил всех с старой девкой, сестрой своей, которую хотел выдать замуж, и даже имел за это дуэль. Бестужев был вертопрах, которому все равно было — бунтовать или шуметь. Он перед 14 декабря собирался ехать в Москву, чтоб жениться там на какой-нибудь богатой невесте.

3) Щербинин и Юрьев — оба офицера гвардии, в известном типе блестящих, насмешливых, без особенных принципов, но образованных.

4) Это уже особенный тип — Кривцов. Он был в Семеновском полку, являлся к Коленкуру, будучи еще юнкером, встретил у подъезда Александра Павловича расстегнутым и с брызгами, ободрен им к продолжению посещения посланника, ранен в Бородине, ранен под Дрезденом, испросил в госпитале дозволения у самого Императора следовать в Париж, когда еще о Париже не было и мысли, в Париже жил рядом с Лагарпом, который про него сказал Императору: «Вы имеете отличную голову, которую надо упот-

¹ Отсюда до конца абзаца текст перечеркнут двумя чертами поперек.

ребить», сделан губернатором в Воронеже, где нажил врагов за правдивость, потом губернатором в Тамбове, кажется, где губернское правление занесло в журнал, что он с ума сошел, после того, как он его разругал в присутствии. Наряжено было следствие, Александр умер, племянник¹ его Кривцов же попался в 14 дек., а сам он удален от должности за беспокойство характера. Александр дал ему 100 т. на свадьбу, которые Кривцов и употребил буквально на свадьбу, но с женой жил плохо, будучи педерастом, чего не скрывал. Был образованный человек, Вольтерианец и эпикуреец — с честными правилами по службе.

От О. С. Павлицевой

Довольно любопытно, что Пушкин на руке носил перстень из корналина с восточными буквами, называя его талисманом, и что точно тем же перстнем запечатаны были письма, которые он получал из Одессы, — и которые читал с торжественностию, запершись в кабинете. Одно из таких писем он и сжег. Этот перстень подарен после смерти Вигеля, а у Вигеля его украл пьяный человек². Любопытна также панихида, отслуженная Пушкиным по Байрону, и то, что он стал есть один картофель, в подражанье его умеренности.

XIV

Подробности о семействе Вольфов

Во время пребывания Пушкина в Михайловском общество Вольфов состояло: из матери Прасковьи Александровны Осиповой, прежде бывшей замужем Вольф, дочерей ее и кузин сих последних.

1) От Вольфа, Николая Ивановича, П. А. имела 4 дочери и сына; из последних две: Катерина Ник. и Марья Ник. были еще очень малы во время Пушкина. Жизнь обеих несчастна: первой от замужества, второй от распутства; вторая и осталась в девках. Таким образом Пушкин вращался между матерью и двумя старшими дочерьми, именно Анной Николаевной, теперь старой девкой, и Евпраксией (Euphrosine) Н., теперь за Вревским, братом генерала, недавно убитого под Севастополем. Эта Анна Н. была влюблена до безумия в Пушкина, а Пушкин, как всегда бывает, скорее расположен был к Евпраксии Н., которая между тем будировала его и рвала его стихи, написанные к ней, чем и нравилась. Кроме того, были еще и другие предметы страсти, именно сама Осипова и множество девушек <зачеркнуто: ее племянниц>. Осипов женился на Прасковье Александровне, имея дочь Александру Ивановну Осипову, которая за Беклешевым; по стихам Пушкина видно, что он и к ней, ребенку в то время, был неравнодушен. Затем были

¹ Читай: брат (т. е. С. И. Кривцов).

² Это неверно: талисман перешел к Жуковскому — и одно из писем последнего (в Пушкинском Доме), от октября (?) 1837 г., запечатано перстнем Пушкина.

еще кузины у девушек, находившиеся тоже в Михайловском иногда и тоже игравшие свою роль в деревенской жизни поэта. У первого мужа Осиповой было еще два брата: Павел Иванович Вольф и Иван Иванович. Дочь последнего Анна Ивановна Вельяшева, которая в письмах называется *Netty*, имела синие глаза и почтена стихами: «Подъезжая под Ижоры...»^{*} Была еще Вульфова, которая вышла за Полторацкого Петра: от нее известная Анна Петровна Полторацкая, впоследствии Керн, к которой были стихи: «Я помню чудное мгновенье...» Эта была, кажется, развязнее всех девушек, кузин своих. Следует пояснить, что Павлу Ивановичу в Тверской губернии принадлежало Павловское, где Пушкин часто бывал; жена у Павла Вульфа была немка. Рядом с Павловским лежит другое село Вульфов, кажется Ивана Ивановича — Берново, а через две версты от него Маленники, село покойного Николая Ивановича Вольфа, т. е. Осиповой. Так всегда близко друг от друга все его семейство жило — и делило патриархально удовольствие любви.

Как жаль, что недавно срубили одну из трех сосен, с которых всегда виден был уже Пушкин, идущий от Михайловского в Тригорское с своей железной палкой.

XV

Нечто о Пушкине

(Записка Соллогуба junior)**

В октябре месяце 1835 г., бывши с Н. Н. Пушкиной у Карамзиных, имел я причину быть недовольным разными ее колкостями, почему я и спросил у нее: *Y-a-t'il longtemps, Madame, que vous êtes mariée?* Тут была Вяземская, впоследствии вышедшая за Валуева, и сестра ее, которые из этого вопроса сделали ужасную дерзость. В то же время отправился я в Тверь, где по истечении 2 месяцев получил письмо от А. Карамзина, коим он извещал меня, что он во второй раз требует от меня от имени Пушкина экспликации, и что Пушкин ругает меня у Вяземских. Я сейчас написал П-у и ждал с нетерпением приезда его в Тверь. В ту пору через Тверь проехал Валуев и говорил мне, что около Пушкиной увивается сильно Дантес. Мы смеялись тому, что когда Пушкин будет стреляться со мной, жена будет кокетничать с своей стороны. От Пушкина привез мне ответ Хлостин следующего содержания:

Vous vous êtes donné une peine inutile en me donnant une explication que je ne vous avais pas demandé. Vous vous êtes permis et vous vous êtes vanté d'avoir dit des impertinences à ma femme. Le nom que vous portez et la société que vous fréquentez m'obligent de vous demander raison de l'indécence de votre conduite.

Последние строки ясно показывают, как много для Пушкина значило мнение общества.

В мае месяце проехал П. в Тверь. Меня в Твери не было.

Узнав о его приезде, я поскакал в Москву и нашел его рано утром у Нащокина на квартире.

— Вы у меня были в Твери. Я поставил долгом быть у вас в Москве, — сказал я.

Он меня благодарил.

Разговор завязался. Он меня спрашивал: кто мой секундант?

— У меня нет, — говорил я. — А так как дуэль эта для вас важнее, чем для меня, потому что последствия у нас опаснее, чем самая драка, то я предлагаю вам выбрать и моего секунданта.

Он не соглашался. Решили просить кн. Ф. Гагарина. Впрочем, разговор был дружелюбный.

— Неужели вы думаете, что мне весело стреляться, — говорил П. — Да что делать? J'ai le malheur d'être un homme publique et vous savez que c'est pire que d'être une femme publique.

Вошел Нащокин. «Вот мой секундант», — сказал П. Вы знаете Нащ. Он на секунданта не похож. Начались экспликации. Враги мои натолковали Пушкину, что я будто с тем намерением спросил жену, давно ли она замужем, чтобы дать почувствовать, что рано иметь дурное поведение <sic!?!>. Это и глупо, и гадко. Я объявил свое негодование. П. просил, чтобы я написал его жене. Я написал следующее: «Madame. Certes je ne me serais attendu à avoir l'honneur d'être en correspondance avec vous. Il ne s'agit de rien moins que d'une malheureuse phrase prononcée par moi dans un accès de mauvaise humeur. La question que je vous [avais] adressée signifiait que l'espièglerie d'une jeune fille ne convient pas à la dignité d'une reine de la société. J'ai été désespéré que l'on aye pu donner à ces paroles une acception indigne d'un homme d'honneur».

П. говорил, что это слишком.....¹ Письмо он желал как доказательство в случае, что ему упрекать будут, что оскорбили его жену, и просил, чтоб в конце я просил у жены извинения. На это я долго не соглашался. П. говорил: «On peut toujours demander des excuses à une femme». Нащокин также уговаривал. Наконец, я приписал: «et je vous prie de recevoir mes excuses», чему теперь душевно радуюсь. Пушк. мне подал руку и был очень доволен.

Через два дни уехал я в Белоруссию.

Возвратившись в октябре 1836 г. в П-бург, жил я у тетки Васильчиковой.

Пушкин, увидав меня у Вяз., отвел в сторону и сказал: «Ne parlez pas é ma femme de la lettre». Она спросила меня своим волшебным голосом извинения. Все было забыто.

В начале ноября 1836 прихожу я к тетке. «Смотри, пожалуйста, какая странность», — говорит она. Получаю по городской почте письмо на мое имя, а в письме записка: «Алекс. Сер. Пушкину».

Первая мысль впала мне в голову, что это может быть о моей истории какие-нибудь сплетни. Я взял записку и пошел к Пушкину. — П. взглянул

¹ Пропуск в рукописи Анненкова.

и сказал: «Я знаю! Donnez-moi votre parole d'honneur de ne le dire à personne. C'est une infamie contre ma femme. Впрочем это все равно, что тронуть руками... Неприятно, да руки умоешь — и кончено. C'est comme si on rachait sur mon habit par derrière. C'est l'affaire de mon domestique. Вот, — продолжал, — что я писал об этом Хитровой, которая мне также прислала письмо».

— Не подозреваете ли Вы кого в этом?

— Je crois que c'est d'une femme, — говорил он.

В тот же день Виельгорский¹, Карамзины, Вяземские получили подобные билеты и их изорвали, прочитав. Замечательно, что Клем. Россети, который не бывает в большом свете и придерживается только тесного <?> Карамз. круга, получил также письмо, с надписью:

Клементию Осиповичу Россети. В доме Занфтелебена, на левую руку, в третий этаж.

След. писавший письмо хорошо знал в подроб. даже что касалось до приятелей Пуш-а. С этого времени Пуш. сделался беспокоен.

Кн. Вяз., с которым я гулял, просил меня узнать, что он замышляет.

Я пошел к нему и встретил его на Мойке. «Жены нет дома», — сказал он. Мы пошли гулять и зашли к Смирдину, где он отдал записку к Кукольнику. «Vous n'avez pas affaires avec ces gens-là», — сказал он. Гуляя, сочиняли мы стихи:

Как ты к Смирдину взойдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь

«Иль в Булгарина наступишь», — прибавил Пушкин.

Мы пошли на толкучий рынок и купили калачей. «Что же, — спросил я, — узнали вы писателей писем? Du reste si vous avez besoin d'un troisième, d'un second, — disposez de moi».

Пушкин с живостью благодарил. «Мне надо, — говорил он, — человека, принадлежащего обществу, который бы был свидетелем объяснения. Я вам скажу, когда вы мне понадобится».

Через несколько дней я сидел рядом с ним у Кар<амзиных> за обедом. «Venez demain chez moi, сказал он: je vous prierai d'aller chez d'Archiac pour vous arranger avec lui pour le matériel du duel». Я посмотрел на него с удивлением и сказал, что буду.

В этот вечер был раут у гр. Фикельмона. По случаю смерти Карла X все были в глубоком трауре, — одни Гончаровы приехали в белых платьях. На Пуш. лица не было. Дантес ухаживал около Г<ончаровых>. Я его взял в сторону.

¹ Экземпляр Виельгорского, который переслал его гр. Бенкендорфу, ныне в Пушкинском Доме.

- Quel homme êtes-vous? — спросил я.
 — Tiens cette question, — отвечал он и начал врать.
 — Quel homme êtes-vous, — повторил я.
 — Un homme d'honneur, mon cher, et je le prouverai bientôt.

Разговор наш продолжался долго. Он говорил, что чувствует, что убьет Пушкина, а что с ним могут делать, что хотят: на Кавказ, в крепость, — куда угодно. Я заговорил о жене его.

— Mon cher, c'est une mijaurée.

Впрочем, об дуэли он не хотел говорить.

— J'ai chargé de tout d'Archiac, je vous enverrai d'Ar<chias> ou mon p<ère>.

С Даршиаком я не был знаком. Мы поглядели друг на друга. После я узнал, что П. подошел к нему на лестнице и сказал: «Vous autres français, — vous êtes très aimables. Vous savez tous le Latin, mais quand vous vous battez, vous mettez à 30 pas et vous tirez au but. Nous autres Russes — plus un duel est sans....¹ et plus il doit être féroc».

На другой день — это было во вторник 17 ноября, — я поехал сперва к Дантесу. Он ссылся во всем на д'Аршиака. Наконец сказал: «Vous ne voulez donc pas comprendre que j'épouse Catherine. P. reprend ses provocations, mais je ne veux pas avoir l'air de me marier pour éviter un duel. D'ailleurs je ne veux pas qu'il soit prononcé un nom de femme dans tout cela. Voilà un an que le vieux (Heckeren) ne veut pas me permettre de me marier».

Я поехал к Пуш-у. Он был в ужасном порыве страсти. «Dantes est un misérable. Je lui ai dit hier jean-f., говорил он: Вот что. Поезжайте к Даршиаку и устройте с ним le matériel du duel. Как секунданту должен я вам сказать причину дуэли. В обществе говорят, что Д. ухаживает за моей женой. Иные говорят, что он ей нравится, другие, что нет. Все равно — я не хочу, чтобы их имена были вместе. Получив письмо анонимное, я его вызвал. Гекерн просил отсрочки на две недели. Срок кончен, Даршиак был у меня. Ступайте к нему».

— Дантес, — сказал я, — не хочет, чтоб имена женщин в этом деле называли.

— Как! — закричал П. — А для чего же это все? — И пошел, и пошел. — Не хотите быть моим секундантом? Я возьму другого.

Я поехал к Даршиаку. Он показал мне всю переписку. Вызов Пушкина, потом отзыв его — qu'ayant appris par le bruit public que M. Dantes voulait épouser sa belle soeur il retirait la provocation. Даршиак требовал, чтоб вызов был уничтожен без причины. Я говорил, что на Пуш-а надо было глядеть как на больного, а потому можно несколько мелочей оставить в стороне. Даршиак говорил, что он всю ночь от этого дела не спал. Этот Даршиак — славный малый.

¹ Пропуск в рукописи Анненкова.

К 3-м часам мы съехались у Дантеса. После долгих переговоров написал я П-ну след. письмо.

«Ainsi que vous l'avez désiré je me suis arrangé pour le matériel du duel, qui aura lieu samedi — vendredi je n'ai pas le tems (это были именины отца) du côté de Pargolovo à 6 du matin, à 10 pas de distance. M. D'Archiac m'a ajouté confidentiellement que M. G. Heckeren était prêt à épouser votre belle-soeur, si vous reconnaissiez que dans cette affaire il s'est conduit en homme d'honneur. Il va sans dire que M. D'Archiac et moi nous sommes les garants de la parole de M. G. H. (Dantes). Je vous supplie au nom de votre famille d'accéder à cette proposition, que de mon côté je trouve entièrement avantageuse pour vous». Dantes хотел было прочесть письмо, но мы до того не допустили. Извозчик, которому я велел отвезти письмо туда на Мойку, откуда я приехал, — отвез письмо к отцу моему. Мы ответа долго ждали. Наконец извозчик воротился и привез записку от Пуш-а:

«Je prie MM. les seconds de regarder la provocation comme non avenue, ayant appris par le bruit publique que M. G. H. voulait épouser ma belle soeur. Du reste je ne demande pas mieux que de reconnaître qu'il s'est conduit dans cette affaire en homme d'honneur». и т. д.

Dantes хотел прочесть письмо. Д'Аршиак сказал ему, что как он первого письма не читал, то он и ответа читать не должен. Свадьба решилась.

«Dittes à M. P. que je le remercie», — сказал Дантес. Я взял Даршиака в сани и повез его к П-у. Он вышел из<-за?> стола в кабинет. Дар<шиак> повторил слова Дант<еса>. Я прибавил: «J'ai cru de mon côté pouvoir promettre que vous saluriez <salueriez?> votre beau-frère dans le monde». — «Pour rien au monde, заметил П.: Il n'y aura rien de commun entre ces deux familles — du reste je ne demande pas mieux que de dire que dans cette affaire M. G. Heck. s'est conduit en homme d'honneur».

Вечером у Салтык<ова> свадьба была объявлена.

П-н ей все не верил — так что он со мной держал пари: я — тросточку, а он свои сочинения.

Однажды он сказал мне: «Vous êtes plutôt le second de Dantes que le mien. Cependant je dois vous lire cette lettre au vieux. С молодым я кончил — давайте старика».

Тут он начал мне читать свое письмо к старику Гекерну. Я письма этого смертельно испугался и в тот же вечер рассказал его Жуковскому у Одоес<ского>. На другой день у Кар<амзиных> Жук<овский> сказал мне, что письмо остановлено. Тем и кончается мое участие в этом деле. Я уехал в Москву.

XVI

К истории анненковского издания
сочинений Пушкина

(Письма И. В. и Ф. В. Анненковых к П. В. Анненкову)

1

21 апреля <1852 г. Петербург>

В дополнение к тому, что я тебе писал в прошлом письме, Павлуша, на счет сочинений Пушкина, имею прибавить, что я решительно взял от Генерала¹ право их печатать за 5000 серебром, — и приступаю к нему на днях. — Проект распределения всех его стихотворений я пришло тебе на будущей почте, дав его здесь просмотреть кому следует; он очень близко подходит к твоему, — ты увидишь. — Теперь я отыскиваю в его бумагах что-нибудь твое, что не было в печати. — Но теперь вот что самое главное — написать разбор его сочинений; положим, люди найдутся и сделают его; но вить его стоить будет больших денег; это раз; потом у меня есть предположение не писать его биографии особо, а к стихотворениям каждого года сделать не большую выноску, в которой оговорить, где он был в течение такого-то года, куда уезжал и вообще все, что делал. — Эти выноски также нужно мне поручать другому. — Все сие сообразивши, я полагаю, почему тебе не приехать сюда на один месяц и все что нужно написать и устроить; это выгодно будет очень в денежном отношении, потому что сбережет расходы на заказ его разбора и вообще дело это довольно сурьезное, за которое если приниматься, так нужно основательно. — Некрасов мне намекал, что у него есть едакой человек, какой-то Дурышкин или что-то в роде этого²; но при сем случае он сказал, что он возьмет за все его около 1500 р. сереб. — Вопрос — зачем же эту сумму отваливать другому, когда ты можешь его сделать. — А что тебе стоит подняться и доехать до Москвы; а оттуда сесть в брик; отсюда же ты можешь до Москвы доехать с Фединькой. — Уведомь обо всем этом послешнее, а я с будущей почтой с своей стороны уведомя, в каком положении это дело. — А также уведомя и об денежном предположении на счет этого оборота. — А теперь будь здоров.

21 Апреля

Твой И. Анненков

Письма Ф. В. Анненкова: Предприятие Ванюшино очень серьезное, и он за него взялся горячо; не знаю, доставит ли оно ему денежные выгоды, но

¹ Петра Петровича Ланского, второго мужа Н. Н. Пушкиной; генерал-майор и генерал-адъютант, он в 1852 г. был командиром лейб-гвардии Конного полка, в котором Иван Васильевич Анненков 7-й, флигель-адъютант, числился старшим полковником, исправляя в то же время должность вице-директора Инспекторского департамента военного министерства.

² Так здесь и далее Анненков называет по недоразумению С. С. Дудышкина.

все говорят, что 5 т. сер. дешево взял Ланской, да еще в долг. А так как жена Ланского едет за границу на воды 19-го мая, то Ванюша торопится с нею сделать законным образом контракт и также роется в бумагах Пушкина и нашел очень и очень много хороших вещей как для сведения, так и для печати, что тобою без внимания были пропущены, — и твоя леность и самоуверенность была тому причиною, что не до основания были пересмотрены все рукописи...

2

12-го мая <1852 г. Петербург>

На счет Пушкина слушай, Павлуша, что я буду тебе говорить и говорить основательно, вникнув в дело. — Более, чем сколько ты думаешь, знал я, как важно это предприятие, и приступаю к делу, разобрав его со всех сторон. — Я вижу в этом деле две главные стороны: во-первых, чтобы не острямиться дурным изданием, и во-вторых, не оборваться в денежном отношении. В первом случае я видел, что нужно следующее: 1) Такой человек, который бы следил за всем ходом этого дела; а именно: написал бы критический разбор сочинений А. С. Пу., написал бы биографию его из материалов, которые я ему дам, написал бы замечания, которые встречаются от издателя, или выноски; просмотрел бы все старые журналы, для составления (в критическом разборе) мнения тогдашних критиков об произведениях Пушк. и для отыскания забытых последним изданием сочинений его. — Этот человек есть ты, Павлуша; значит мне нужно знать, берешься ли ты за это, или нет. Если берешься, то тебе нужно нарочно для этого приехать сюда и не медля приступить к делу, написать здесь статью, подготовить выноски и вообще всему делу дать ход; сделав это, ты можешь отправиться, куда хочешь, потому что пока будет идти печатание, мы можем продолжать дело перепискою. — Если ты на это не согласен, то для этой работы Некрасов рекомендует мне какого-то г-на Дурышкина, редактора «Отечественных Записок», говоря, что он за все сие возьмет не менее 1500 р. серебром. — Если ты не возьмешься, то я возьму Дурышкина, если только не найду кого-нибудь лучше; значит твой решительный ответ мне необходим и поспешнее, да без двухсмысленных фраз; а прямо пиши: можешь ли ты это сделать, или нет, и когда можешь приехать. — Полагаю, что тебе за это дело нужно взяться; а впрочем, как знаешь. — Между прочим Некрасов предлагает мне быть со мною в доле и говорит, что это есть отличное предприятие и весьма выгодное; но я не желал бы с Некрасовым иметь дело, только потому, впрочем, что он, как человек безденежной, не принесет мне пользы, особенно если будет нанят кроме его редактор. — Напиши свое мнение об предложении Некрасова и об Дурышкине, если только его знаешь. —

2) Нужно, чтобы над сим редактором был еще кто-нибудь, человек известный и достойный, и который смотрел бы за ходом издания; таковыми

людьми будут Плетнев и Вяземский, которые охотно изъявили готовность принять участие в этом деле, и я ничего, ниже двух слов не напечатаю без их одобрения. —

3) Успеху предприятия способствовать будут новые, не бывшие в печати сочинения Пушкина. — Твое резкое суждение, что их нет, — несправедливо. — Я нашел около 50 стихотворений достойных печати и от которых Некрасов и Боткин были в восторге, когда я им читал. Найдены они мною в его бумагах; некоторые из них — цельные, а большая часть неоконченных; но как их не включить в новое издание? — Все они пойдут на рассмотрение Государя. — Вот, например, можно ли оставить эти неоконченные стихи:

<p>Два чувства дивно близки нам; В них обретает сердце пищу: Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам. — На них основано от века По воле Бога самого Самостоянье (sic! — Б. М.) человека, Залог величия его. — Без них нам целый мир пустыня, И жизнь без них мертвая; И как Алтарь без божества Ду... (конца нет).</p>	}	<p>Эти 4 стиха зачеркнуты Автором.</p>
--	---	--

Или вот еще:

Воспоминание в Ц. С. 18 декаб. 1829

Воспоминаньями смущенный,
 Исполнен сладкою тоской,
 Сады прекрасные! под сумрак ваш священный
 Вхожу с поникшею главой. —
 Так отрок библии, безумный расточитель,
 До капли расточив раскаянья фиал,
 Увидя наконец родимую обитель
 Главой поник и зарыдал.

* * *

В пылу восторгов скоротечных,
 В бесплодном вихре суеты,
 О, много расточил сокровищ я сердечных
 За недоступные мечты. —
 И долго я блуждал, — и часто утомленный
 Раскаяньем горя, предчувствуя беды,

Я думал о тебе, приют благословенный,
Воображал сии сады. —

* * *

(и затем еще 3 строфы об Лицее и Царскосельском саде).

Одним словом новых стихотворений наберется порядочно довольно.

4) Статья о распределении стихотворений почти что кончена; основанием было твое распределение с некоторыми незначительными переменами. — Некрасов и Боткин нашли ее дельною; теперь она покажется Плетневу и Вяземскому, и с мнением их я к тебе перешлю.

5) Образчик бумаги и печати при сем тебе посылается; его будет очень хорошо, как все находят¹.

6) Типографический корректор будет, разумеется, выбран лучший.

При таком распоряжении почему полагать, что я острамлю свое имя; тут будет не один мой глаз; ты видишь: я на себя немного беру. — А вот опасаясь не затемнить твою громкую литературную славу; но ты об этом вздоре не беспокойся. — Система, принятая мною в издании, пойдет также на утверждение людей дельных и тебе перешлетя; ты увидишь, что она сделана не зря. — А есть ли сделана зря, то она пройдет через многие руки и будет исправлена. — Никогда не делал я вещей зря, а тем более этой вещи. Неуважения к Пуш. у меня нету, потому что хочу сделать издание классическое, какого до сих пор не было в России. — А что ты ужаснулся, услышав, что я взялся за его дело, то ты прав, потому что ты не знал всех побочных обстоятельств, об коих я тебе пишу теперь, — и об чем я тебе еще напишу с следующей почтою, где ты увидишь, что издание украсится двумя его портретами, виньетками, рисованными самим Пушкиным, и может быть рисунками Гагарина, — снимками с почерка Пуш. и биографией в следующем порядке: у каждого года будет выноска, в коей будет сказано: где Пушкин был в течение того года, что делал, чем занимался, какие были с ним случаи. — Это все будет независимо от разбора критического его сочинений, приложенного в начале. — Но его все ты увидишь подробнее в том, что получишь с следующей почтою. — Все сие есть следствие трех месяцев постоянного моего труда и занятия сим предметом; долго я думал о нем и не очертя голову принимаюсь за него. — Право, так.

Затем другое обстоятельство, об коем следовало подумать, — это денежное; об нем скажу тебе одно только: 5000 серебр., которые я плачу за право печатать, я взношу не теперь, не сейчас, а когда пойдет распродажа напечатанных уже экземпляров с 4% на всю сумму, со дня совершения условия. — Чтобы тронуть дело или, лучше сказать, пустить его в ход, нужно 5000 р. серебром, которые я думаю занять, да хоть под залог самого предприятя; если ты у своих приятелей можешь их достать; то не опасаясь ни-

¹ Этих образчиков, к сожалению, при письме не сохранилось.

чего, сделай его. — Здесь все, кто даст денег, ломются на то, чтобы быть в доле со мною. — Какая же мне в том выгода? Поделиться доходом и платить еще проценты на занятую сумму. — А впрочем можно достать денег и без этого условия. — Теперь в заключение скажу: печататься будет 5000 экземпляров; а чтобы окупить все расходы по изданию (и Генеральские и проценты), нужно, чтобы продалось 2500 экзemplя. — Если они продадутся, то спекуляция — удалась; в противном случае она будет не удачна. — Вот на этот предмет нужно обратить внимание, — разойдется ли 2500 экземпляров; это мне давало много заботы; но обнадеживают все. — В Петербурге и 50 экземпляров нет старого издания, в Москве — ни одного, теперь он стоит 25 р. серебром. — Желających иметь Пушкина — много; в одной Москве, как пишет Стрекалов, книгопродавцы на расхват желают иметь Пушкина. — Обо всем этом я думал, и долго. — И так, вот мои предположения, расчеты и мысли. — Теперь для окончания прибавлю, в каком положении находится это дело в сию минуту. — Условие с Генералом мною уже подписано, — значит, назад нельзя, да и сам не хочу. — В нынешнем месяце собираются сочинения, не бывшие в печати; составляется проект распределения статей, все приводится в систематический порядок и показывается Плетневу и Вяземскому; в Июне ненапечатанные сочинения идут на рассмотрение к Государю; а там начинается печатание и вместе с ним составление критического разбора и всего нужного к изданию. — Теперь слушай, Павлуша: если ты уведомишь меня, что скоро сюда приехать не можешь, то есть, если раньше, едак, месяцев 3-х или 4-х; то я беру Дурышкина (или другого кого-нибудь); если же ты можешь приехать, то я остановлю весь ход и самое печатание до твоего приезда. — Пожалуйста, подумай об этом хорошенько и дай решительный ответ; а я бы желал, чтобы ты приехал, и это право нужно. — Тогда вот как распоряжусь: дождусь тебя и когда ты напишешь разбор, биографию и всевозможные и нужные выноски, тогда все вместе за один раз пойдет к Государю и по Высочайшем решении начнется печатание, а ты уезжай восвояси. — Остальное уже будет дело корректора по части поправок и мое — по части типографии. — Затем писавый ждет ответа; устал от непривычки долго писать и от учений, которыми замучили; остальное место посвящаю на некоторые пьесы Пуш., найденные мною в его бумагах и не бывших в печати <карандашом отметки 13.17.22.37>.

Подруга дней моих суровых¹.

и т. д. до стиха:

То чудится тебе...

¹ Далее — рукою Ф. В. Анненкова.

NB. Стихотворение неоконченное, писано в одно время с V главою Онегина, то есть около 1828-го года.

Конечно, презирать не трудно
Отдельно каждого глупца;
Сердиться также безрассудно,
И на отдельного страмца. —
Но что чудно! —
Всех вместе презирать их трудно.

Кокетке

И вы поверить мне могли.
Как простодушная Аньеса?
В каком романе вы нашли,
Чтоб умер от любви повеса?
и т. д.

NB. Подчеркнутые стихи были зачеркнуты Автором.

<Рукою И. В. Анненкова:> Отвечаю тебе, Павлуша, на последнее письмо твое от 28 Апреля. — Присланные тобою деньги 850 р. серебр. получены нами; они помогли нам заткнуть кой-какие дыры, и мы тебе за это очень благодарны... Твои замечания об Пушкине, то есть об печатании его сочинений заставили меня местами улыбнуться. — Послушай, Павлуша! — Почему ты думаешь, чтобы я на едакое сурьезное дело кинулся так, как на обед к Дюме; почему же ты не предполагаешь во мне столько здравого рассудка, чтобы понять важность етого предприятия, и столько понятия, чтобы сделать его основательно? — Три месяца я думал об етом деле и рассмотрел (да не один) со всех его сторон. — Значит, я могу говорить об нем основательно; а ты говоришь поверхностно: а имянно: 1) ты пишешь — подожди тебя и не говоришь, когда ты можешь приехать; 2) что я решительно на все смотрю <легко?>, — неправда, потому что до окончательного моего решения я долго думал и, сообразив все, приступаю; 2) опозорить свое имя, — я не сделаю; я очень хорошо знаю, что я сам один с етим предприятием не справлюсь и уж устроено, что... <далее карандашом:> что начатое письмо заменено другим, в етих же листках № 1, 2, 3; но не уничтожается, ибо время нет с етим возиться.

<Далее рукою Ф. В. Анненкова:> Сейчас получил от Голицына письмо...

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю, —

и т. д. до:

И слезы их, и поздний ропот.

NB. Сие стихотворение написано в одно время с Полтавою.

12-го Мая. С. П. Бург

Из 4-х Номеров Ванюшинова писания ты увидишь и узнаешь, Павлуша, решительное его намерение приступить к изданию сочинений Пушкина, и так как сие дело и условие Генеральшой подписано (и она сегодня с детьми на пароходе уехала за границу), то и видя в этом предприятии со временем и выгоду и не желая притом сделать какого-либо упущения, то выслушай по сему случаю и мое мнение.

Ванюша неугомимо все пересмотрел в оставшихся бумагах, — и есть вещи, которые могут быть и в печати. План и распределение, сделан им, был нелицемерно одобрен Некрасовым и Боткиным; теперь его еще пересмотрят Плетнев и Вяземский, которые убедительно просили Генеральшу отдать непременно Ванюше, а не связываться с книгопродавцами и хотят и просили ее познакомить <их> с Ванюшей, обещая ему все, что они знают о Пушкине, ему сообщить <все> и содействовать. И так, теперь нужен человек, который напишет <все>, исключая биографии, и даст сему делу направление, — и по справедливости Ванюша тебя о том убедительно просит, и я тоже нахожу, что ты легко можешь теперь отлучиться из деревни и сюда приехать, чтобы это серьезное дело покончить и устроить; и даже так можно рассчитать, что ты со мною можешь уехать обратно в Москву, ибо я *решительно* отсюда уезжаю *20-го Июня* (и взял уже места два внутри и один сзади в Маль-Посте); но если сие для тебя неудобно — так скоро привести в исполнение, то можешь меня подождать в Москве и одному приехать. К тому же если ты уже взялся быть нашим благодетелем, то и тут тебе предстоит еще сделать доброе дело, а именно: в проезд через Москву мебелируй и устрой мою квартиру порядочным и приличным и недорогим образом, и если даже будет возможность взять напрокат до Генваря, то будет еще лучше.

Обо всем, что здесь писано, будем ждать твоего решительного ответа, причем полагаю, что если ты не решишься приехать, а наделишь своими наставлениями, что на будущее время может нам принести пользу, но в существенном отношении мы от того много потерпим. Подумай хорошенько. Да, я забыл еще упомянуть, что 1500 р. сер. дать Дурышкину есть вещь, не совсем благоразумная: или ты бы мог от сего избавить расхода, или по крайней мере лично мог бы с ним откровенно переговорить и согласоваться; а что Г-н Некрасов без капитала хочет участвовать, то об этом и не нужно писать и не следует говорить. — Аминь.

За неимением времени Ванюши, я несколько (выбранных) переписал стихотворений, кои предполагаются к печати. — Но вот заглавных еще №, ко-

торые тобою были пропущены (для сведения мною списанные): 1) К О... которой Митрополит прислал плодов из своего сада, 1817 г.; 2) Второе Послание к цензору; 3) Эпиграмма; 4) Изыде сеятель сеяти семена свои; 5) Богоматерь; 6) Христос Воскрес; 7) Пропуск из Чеодаева послания; 8) Сказали, что Риего; 9) Песня Девственницы; 10) Кишинев; 11) На голос Вальца Дюпорова; 12) Цыгане (бесподобная).

Напиши, если они у тебя уже находятся. За сим прощай, ждем твоего ответа. Твой брат Ф. Анненков.

3

19 мая <1852 г. Петербург>

Отвечаю тебе, Павлуша, на твое письмо от 4 мая. Оно, по расчету, было написано тобой до получения еще моего длинного письма; значит, ты писал его, полагая, что я взялся за издание Пушкина очертя голову; не знаю, разуверит ли тебя мое последнее письмо, но только я тебе спешу отвечать; если твоя боязнь в этом деле происходит от опасения, чтобы я не взвалил новых долгов на имение, то можешь быть покоен. — Я буду занимать денег под залог самого предприятия и у таких людей, которые гадости не сделают; кроме того, я могу пойти в дело с человеком денежным, не смотря на всю невыгоду, которая мне от того предстоит; если ты боишься, чтобы издание его не острамило всех нас, то опасения твои напрасны при всех мерах благоразумных и осторожных, принятых мною; а впрочем, почитая память Пушкина святынею, как пишешь ты, приезжай взглянуть на ход дела. — Если ты опасасься, чтобы я не запутывался или не запутался в этой спекуляции, то я вполне ценю твою братскую привязанность и покоряюсь своей судьбе; один я потерплю в этом деле и никого другого с собою в пропасть не потяну; а если паче всякого чаяния будет успех, то рады будем все. —

Когда я объявил, что беру на себя печатание, то все единодушно обрадовались тому, что это будут делать я, а не какой-нибудь книгопродавец; все изъявили готовность помогать мне всеми возможными средствами, а именно: Вяземской, Плетнев, Соболевской, Виелгорской и мною им подобных, которых не называю, потому что в них пользы не нахожу. — Об Некрасове и Боткине не говорю, ибо уже писал тебе их мнение на этот счет. — Лица, в начале приведенные, были только удивлены малой ценой, взятой за позволение печатания; но так <как> никто больше не давал, то и согласились на сию цену.

Теперь далее: в опеке было 7 картин Гагарина к Кавказ. Пленнику; по нерадению, они неизвестно куда девались, но начинают, кажется, отыскиваться; когда отыщутся, — они мне даются даром; Айвазовский обещал нарисовать для сего издания несколько картин; мне предоставлен выбор сюжета, где бы находилось море, разумеется; я тебе его передаю с тем, чтобы ты не медля указал бы на такие места Пушкина, из которых можно было

бы дать Айвазовскому сюжет. — Мне думается два места: я помню море перед грозой (из Онегина 1 части) и Ты видел деву на скале (4 том, 214 страница). — Поищи и ты. —

Орлов маленькой¹ принимает участие в этом и будет полезен для исходатайствования позволения на печатание новых пьес. — За тем вся переписка, просьба и все касающееся до издания будет от имени опеки, где имя малолетних будет играть немаловажную роль. — Генеральша по возвращении из-за границы дает мне переписку Пушкина с сестрою, когда ему было 13 лет. Ланского племянник рисует мне на камне портрет Пушкина, когда ему было 12 лет. — И много, много еще я мог бы тебе насчитать вещей, которые все были взвешены, когда я брался за дело. — Скажи, кто может иметь все эти удобства; скажи мне, если я передам издание, разве я передам все эти выгоды, которые делаются собственно для меня, и ни для кого другого. — Это печатание приняло теперь такой оборот, что уж это не спекуляция книжника какого-нибудь, а намерение выдать соч. Пушк. в достойном его виде, с помощью всех его бывших друзей; я же играю тут только ту роль, что взял на себя все издержки и хлопоты по изданию. — Обо всем этом, Павлуша, подумай. — Обещанные программы и распределение статей я не посылаю, ибо всю неделю как пивка сидел за черновыми книгами Пуш. и ей Богу не без успеха. — Напрасно называешь ты его плесенью: ты разуверилась, когда увидишь толстую тетрадь не бывших в печати стихов. — А впрочем, твой ответ на последнее мое письмо даст мне основание, что мне предпринять и как распорядиться, чего с нетерпением ожидаю.

19 мая

Твой А.

Для картинки: *Я помню море перед грозой*, полагаю, хорошо выдет: женщина в задумчивой позе, сидя на скале или стоя на берегу, облокотясь на балкон, — и волна плеснула ей в ногу. — Как ты думаешь?

4

26-го августа <1852 г. Петербург>

Письмо твое, Павлуша, от 12 Августа застало еще меня в Петербурге, но уже укладывающегося в чемоданы. Я выезжаю из Петербурга 28 Августа на Москву и в Чугуев. Не знаю, с тобой ли Фединька... Государь дал мне поручение осмотреть там всех юнкеров до его приезда, — вот я и тороплюсь... Теперь отвечаю на твое письмо.

1) У Пушкиной я могу собрать нужные тебе сведения по моем возвращении, потому что теперь ее здесь нет, — она уехала в деревню, а это жалко, ибо может задержать твою работу.

¹ Флигель-адъютант граф Николай Алексеевич Орлов, младший полковник лейб-гвардии Конного полка (где в то время И. В. Анненков был старшим полковником).

2) Вместо оглавления стихотворений с 1830 года я посылаю тебе мою продолговатую тетрадку: она заменит тебе мою выписку.

3) Твоя фраза: «перешли мне все отдельные листки со стихотворениями или заметками или начатками, какие еще есть в пакетах», — совершенно не понятна: чего ты хочешь? Какие еще есть листки, которые мы уже не пересмотрели? Да и потом вить отрывки, не бывшие в печати, находятся не в одних пакетах, а и в книгах. — Я распорядился так: посылаю тебе *все пакеты* с стихотворениями и мою тетрадь, где я сделал выписку того, что не было в печати: она тебе заменит напрасный труд самому рыться в лоскутках. — Равным образом я затрудняюсь в просьбе твоей переслать все тетради Пушк., которые с 30 года идут. — Что тебе нужно: прозу или стихи? да и у него нигде не сказано, которые бумаги идут с 30 года. Я распорядился так: посылаю тебе тетради, но не книги стихов и опять повторяю, что моя тетрадь тебе будет в этом случае полезна. Наконец, посылаю тебе пакет от Катенина, это есть такая чушь, гиль и вздор, что Боже упаси, и переписка твоя с ним только в том отношении будет полезна, что упрека не сделает, что упустили его из виду; а то вот ты увидишь, какой вздор он написал.

5

<Письмо¹ без даты. Петербург>

...Вышли мне, пожалуйста, 12 часть сочинений Пушкина и тетрадь, в которой выписаны ненапечатанные его сочинения. — Это не для других, а для меня собственно нужно; пожалуйста, не замедли. Затем будь здоров...

¹ Ивана Васильевича Анненкова.